

Олег Ашихмин

16+

Рассказы для женщин, чтобы лучше
понимать мужчин

Рассказы

Олег Ашихмин

Рассказы для женщин, чтобы лучше понимать мужчин

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63110901

SelfPub; 2020

Аннотация

Мир мужчин – бизнес, спорт, война, любовь и женщины. В книге рассказаны истории настоящих мужчин и их поступков.

Олег Ашихмин

Рассказы для женщин, чтобы лучше понимать мужчин

Мэрилин Монро

Уже двадцать минут группа сидела в унылом ожидании. Ровно пять минут назад вышло время, которое по уставу университета студенты обязаны покорно ждать преподавателя после звонка, ибо преподаватели тоже люди, и ничто человеческое им не чуждо. В том числе и опоздания.

Еще бы год назад Макс, а вместе с ним и добрая половина его одноклассников несказанно обрадовались бы этому факту проявления солидарности профессора Надькина со всем человечеством. Но уже был конец четвертого курса, время, когда знания действительно приобретают вес знаний и когда все уже побывали на практиках и оценили свои возможности, выяснив, к своему ужасу, что еще учиться и учиться и что три года потеряны безвозвратно.

Еще одно обстоятельство ввергало в уныние тридцать будущих служителей Фемиды. Пара Надькина стояла в середине расписания, и в случае неявки профессора, а все шло к

тому, придется два часа где-то болтаться. Если бы его предмет был последний, куда бы еще не шло, а то третий, да после него еще два. В общем, так и сидели, каждый про себя проклиная старичка Надькина, вспоминая, какие номера он выкидывал на младших курсах, игнорируя, время от времени, первые пары, когда сквозь мороз и пургу весь курс приходил к полдевятому... и к девяти уже засыпал на партах, и как по пять раз, ходили сдавать ему экзамены, как сдавали ему зачеты в восемь вечера 31 декабря, за что и окрестили его «железным Феликсом», а позднее «Энерджайзером».

Постепенно аудиторию начали покидать смирившиеся с судьбой. Надежды Макса на то, что лекция все – таки состоится, таяли вместе с тем, как пустела аудитория. Дальше сидеть было уже глупо. Манерно вздохнув, он взял со стола папку и вышел.

* * *

За парадной дверью главного корпуса благоухала весна. Уже распустились первые почки в университетской роще, и все дышало жизнью. Макс с удовольствием шел по аллее, с наслаждением жмурясь от солнца.

«Ладно, бог с ним с этим Надькиным. Жизнь прекрасна. В такую погоду грех учиться! Плохо вот, что в середине дня его пара, так бы на работу раньше приехал», – думал Макс, не спеша бредя по роще, и с усмешкой поглядывал на студенточек, которые шли ему навстречу и не сводили с него глаз. Он уже к этому привык. Уж слишком часто ему гово-

рили, что он красив. Ну так уж случилось.

Макс, точнее Максар Атаев, закончив школу с золотой медалью, приехал поступать в университет. На отлично сдал все экзамены и стал студентом юрфака. С первых же дней учебы, не пропуская студенческих пирушек, Макс начал удивлять преподавателей не только знаниями и усердием, но и своей фанатичной преданностью праву. Уже после первой сессии преподаватели факультета с гордостью говорили друг другу: «У меня сейчас есть студент из Бурятии, так он...». А все было проще, парень просто хотел стать юристом и четко знал, куда шел. На втором курсе его пригласили работать в небольшую частную фирму, а к концу четвертого он уже возглавлял отдел крупной юридической структуры. По большому счету, университет для него уже не имел того эпохального значения, как на младших курсах. Более того, сейчас он даже где-то мешал, так как «серые людишки, правящие миром» свои дела решают с утра, а в это время, как правило, были лекции, и приходилось пропускать занятия, что было так для него не характерно. К тому же некоторые предметы он уже перерос, так как имел постоянную практику. В целом, в этом городе для него все сложилось удачно, не считая дерзкой выходки профессора Надькина.

«Меня, занятого человека, заставлять так бездарно проводить время!?» – ухмыляясь, думал Макс, по-прежнему радуясь солнцу и весне.

– Максар! – услышал он за спиной.

Так «исторически сложилось», что с первого дня все почему-то стали называть его не Максаром, как семнадцать лет было до того, а Максом. Впрочем, он не протестовал, и это имя так за ним и закрепилось. Иногда при новых знакомствах или в компаниях, чтобы никому ничего не объяснять, он представлялся как Макс, и только близкие друзья называли его полное имя.

– Никита?! Привет!

С именем Никиты тоже произошла метаморфоза. Кроме как Ник, его никто иначе не звал. Впрочем, он уже и сам забыл, что он Никита, и совсем не оригинальное, но краткое Ник его вполне устраивало.

– Давненько, давненько, старина, я тебя не видел! – приговаривал Никита, обнимая борцовские плечи и торс Макса.

– Да уж! – улыбаясь выдохнул Макс и дружески похлопал рукой по спине бывшего одноклассника.

– Ну, что? Как дела, рассказывай!

– Да все так же.

– А-а, все богатеешь, у людей честно заработанные деньги отнимаешь?

– Ты тоже, как что скажешь...

– Слушай! – не дал договорить Макс Ник. – Ты сейчас что делаешь?

– До четырнадцати сорока пяти ничего, – нехотя сказал Макс, вновь вспомнив о Надькине.

– Пары поди нет... Профессор Надькин? – язвя предпо-

ложил самое невероятное Ник.

– Так точно, товарищ бывший сержант, – тоже улыбаясь, ответил Макс.

Когда-то они вместе поступили на юрфак. Когда-то вместе делили все прелести студенческой жизни и старой общаги. А потом была первая сессия, и Ник завалил все, что можно было. Его философия была проста – жизнь прекрасна в процессе. Макс же утверждал и всем своим образом жизни доказывал, что важнее результат. Ту сессию Ник почти сдал. Остался лишь профессор Надькин. Только на его экзамен Ник так и не пришел, как сказал потом Макс – проспал. А профессор Надькин за такую выходку вообще отказался принимать. После разбора полетов в деканате Ник благополучно загремел в армию. Попал в морскую пехоту. Отслужил, но не поменял своей философии и от жизни по-прежнему брал все, что она ему предлагала. После армии поступил в институт культуры, связался с музыкантами и художниками и в этом себя нашел. Стал писать неплохие песни и с помощью знакомых художников оформлял альбомы, плакаты и концерты своих друзей-музыкантов. Не изменяя традициям, все так же был редкий гость на лекциях, что не мешало ему быть популярным в различных тусовках.

– Это ты хорошо сказал, – ухмыльнулся Ник. – Только четче! Четче рапорт, солдат, – радуясь случайной встрече, пошутил он.

– Все еще не забыл? – намекая на армию, спросил Макс,

с ужасом предполагая, чего пришлось повидать и хлебнуть этому всегда веселому, неунывающему, ныне длинноволосому парню.

– Такое забудешь... – но Нику уже давно надоело играть в дембеля, и он сменил тему:

– Может, в парк и по пиву?! Как в старые добрые времена!?

– В старые добрые времена у меня не было машины, – виновато улыбаясь, мягко извинился Макс.

– Ну ладно, я буду пить, ты закусывай... Пойдем хоть просто посидим! – предложил Ник, подумав, что у вечно занятого Макса, как всегда, нет даже пяти минут.

– Пойдем, пойдем, – быстро согласился Макс, вспомнив, как обижался Ник на его постоянные отказы. А что он мог поделать? Ведь первым делом – самолеты!

* * *

В парке все, до последнего листочка, под гомон играющей детворы и непринужденно беседующих молодых мамаш, набирало силу, которой так щедро одаривает все живое весна.

Почти все скамейки и беседки были заняты. Проходя мимо них и слушая нескончаемые истории Ника о его приключениях и его друзей, Макс поглядывал, куда бы им можно было присесть.

– Этого не может быть! – вдруг зачарованно прошептал он.

– Ты чего? – всерьез удивившись, спросил Ник, в то время как Макс смотрел в одном направлении. Поймав его взгляд, он посмотрел туда же.

– А-а, девочки? – отхлебнув из бутылки пива, тоном циника и сердцееда объяснил для себя Ник поведение Макса.

В десяти метрах от них сидели девушки, две богини: Афина и Афродита. Одна была с черными как смоль длинными прямыми волосами, прекрасно сложенным телом и остреньким носиком на не менее прекрасном личике. Вторая девушка была вылитая Мэрилин Монро. Разрез глаз, полнота губ, цвет волос и даже прическа – все было как у голливудской звезды.

Именно с этим представлением о женской красоте Макс ложился и просыпался каждый день. Этот образ был мечтой всей юности. И вот он сидел в десяти шагах от него.

– По-моему я знаю, куда мы сядем, – приходя в себя, сказал Макс и, направился к скамейке, где сидели ослепительные девушки. Брюнетка сидела с краю, а блондинка возле нее. Остальная часть скамейки была свободна. Туда они и сели. Девушки проводили их глазами. В особенности Макса. Ник конечно тоже выглядел ничего, но на фоне строгого костюма Макса, дорогих запонок и модной папки в руке он смотрелся бледно. К тому же, если бы Макс был девушкой, то с его внешностью его бы все называли восточной красавицей. Когда они садились, Макс заметил, как блондинка повела бровью в его сторону, а брюнетка одобряюще незаметно

кивнула.

– Какие мальчишки! – очень сладко, с восторгом, сказала брюнетка. Блондинка ослепительно им улыбнулась.

– Какие девчонки! – с неменьшим восторгом нашелся Ник.

Макс повернулся к блондинке, улыбкой ответил на ее улыбку и хотел было уже с ней заговорить, но тут посередине скамейки сел парень внушительных размеров лет тридцати, дорого, но безвкусно одетый и слегка выпивший. Ослепительная блондинка повернулась к своей подружке. Макс тоже решил на время отложить дипломатические переговоры и сидел, думая, с чего начнет разговор, и если все пройдет гладко, куда он ее вечером пригласит, а там... Но он не стал разгоняться в своих планах на всю оставшуюся жизнь, так как его мечта сидела в метре от него, а он еще с ней не познакомился.

Подсевший парень огляделся. С интересом посмотрел на молодых людей и без интереса на девушек. Затем, не меняя скучной гримасы на своем лице, он как бы с нежеланием погладил блондинку по ее красивым волосам и по-свойски приобнял.

Макс все это видел и опешил от неопишуемого хамства и своей ярости.

Девушка движением плеча откинула его руку и сдержанно, но гневно сказала:

– Я не люблю, когда со мной так обращаются.

Парень нагло ухмыльнулся и погладил ее по шее и по ее пышной груди.

Это был предел. Макс вскочил и, еле сдерживая себя, чтобы не броситься на гориллу, в гневе крикнул:

– Эй! Убери от нее руки!

– Я с тобой позже разберусь, – спокойно ответил Макс, шкаф и снова посмотрел на девушку. Его рука опять потянулась, но Макс его опередил.

– Тебя что, манерам не учили? – крепко сжав его запястье, жестко сказал он.

– Не надо, парни, – сдержанно сказала блондинка, и, поднявшись, девушки пошли по аллее.

«Вот скотина. Из-за этого ублюдка, где я теперь ее буду искать?» – подумал Макс и отбросил с презрением его руку.

– Эй, сосунок, – попытался было что-то сказать верзила, но тут уже встал Ник.

– Слушай, мужик... Если ты хочешь проблем, то мы тебе их устроим, – сжимая зубы, процедил бывший морпех.

Вспомнив несколько армейских историй Ника, Максар понял, что кровопролития не избежать, и вдохнул побольше воздуха.

Окинув взглядом двух почти разъяренных парней, грубиян не стушевался, а с улыбкой поднял руки вверх и сказал:

– Нет, нет, мальчики, сдаюсь. Никаких проблем. Садитесь, отдыхайте.

Макс выдохнул и с тоской глянул в конец аллеи. Вдалеке

удалялись две прекрасные фигуры. Он еще раз посмотрел на смутьяна, а затем снова в конец аллеи. Девушек уже не было.

«Ушли», – обреченно подумал он и спокойно сел на скамейку.

Ник все это вообще не принял близко к сердцу и как ни в чем не бывало, начал снова что-то весело рассказывать.

Макс краем уха слушал Ника, а про себя убивался, что может, это и была та самая половинка, которую он столько уже ищет. Не давало ему покоя и то, что пока он возился с этой гориллой, великолепная блондинка, его хрустальная мечта, ушла, а он даже не попытался ее догнать.

– Наверняка они студентки, а в городе столько вузов... Вот где ее теперь искать? – все убивался он.

Тем временем к скамейке подошел еще один парень. Угрюмо посмотрел на Макса с Ником и без дипломатических подъездов напрямую обратился к их соседу:

– Ко мне тут поступила информация, что ты мою рабочую девочку обидел?

Дальше парень заговорил тише, но Макс уже его не слушал.

«Не может быть... – ошарашенно думал он. – Они ведь такие красавицы!?». Он посмотрел на Ника. От удивления тот даже открыл рот. Даже этот повидавший виды парень был удивлен.

Между тем, оба незнакомца встали и куда-то пошли, видимо, разбираться.

– Вот это да!? А ты за нее чуть на мокруху не пошел, – участливо сказал Ник.

Еще немного они посидели молча. Каждый пытался осмыслить то, что произошло.

На выходе из парка на пустой скамейке они вновь увидели девушек. Невдалеке стояла машина, откуда за ними наблюдал их «менеджер».

– Мальчишки! – сладко улыбнулась им блондинка, а брюнетка, изысканно облизнула на губах свою свежую помаду.

Ник им что-то сказал, а Макс, даже не посмотрел в их сторону. Теперь выходка профессора Надькина казалась детской невинной шалостью.

– А знаешь что, Никит, бог с ними и с машиной, и с университетом... Пойдем в ресторан водки выпьем, я угощаю.

– И то правильно, – обрадовался Ник и как ни в чем не бывало, воодушевленно, начал рассказывать очередную из своих нескончаемых историй.

1997

Три зуба

**Кто не был в армии,
тот очень много потерял,
а кто был, тот потерял
в два раза больше.**

(Из дембельского альбома)

Группа спала после очередного безумного дня. Не спалось только Малышу. Не простое это дело – служить в родном городе, да еще и засыпать в трех остановках метро от нее. А если к этому добавить богатырское телосложение, за которое Артем с легкой руки дедов-дагестанцев получил свое прозвище, да панцирную койку, предусмотренную уставом, то спать вообще вряд ли захочется до самого дембеля. Малыш глянул на рядом спящих Гнома, Тайсона и Балу, которые были еще здоровее его, и от этого глумливого зрелища ему стало совсем тоскливо.

В конце «взлетки» дневальный лениво возил шваброй.

– Да когда же суббота! – про себя взмолился всем богам спецназа Малыш в ожидании обещанного командиром увольнения. Всю неделю его взвод в группе был лучшим. Марш-бросками, стрельбами и даже нарядами командир остался доволен, поэтому так великодушно пообещал взводу «увал». Главное, чтобы теперь никого не заловили в самоходе и не спалили с водкой, а то по хорошей традиции, с незапамятных времен введенной в группе, обязательно кто-нибудь залетит, и вместо увольнения спецы в бронежилетах, касках и с автоматами наперевес на глазах у всего полка убегут на полдня «захватывать» какую-нибудь высоту, которая, по желанию командира, могла оказаться и в двадцати километрах от части.

* * *

Как Малыш предполагал, так и случилось. На следующий же день за ужином в столовой спецы подрались с дембелями-дагестанцами из второго батальона. Причем подрались так, что при виде происходящего начальник столовой убежал в мойку и из окошка раздачи кричал, что всех отправит в дисбат. В столовой летали столы, табуретки, стаканы, подносы, мелькали сапоги, руки, свистели ремни, и на пронзительные крики капитана никто не обращал внимания, отчего тот визжал еще громче и, как вольерная рысь, метался в окошке. Угмонить его удалось Тайсону, под шумок запустившему табуреткой в сторону раздачи. Капитан заткнулся, но, если бы не предстоящая командировка в Чечню, за свой снайперский бросок Тайсон мог получить пару лет «дизеля» и заодно выплатить в полковую казну за разгромленную столовую и казарму, так как драка плавно перетекла туда. За своих уже после отбоя в группе попытались заступиться даги, и спецы пошли стенка на стенку. Командир обо всем узнал наутро.

* * *

На утреннюю проверку все вышли как один: с перебитыми носами, разбитыми бровями, распухшими губами, фиолетовыми синяками, а у некоторых дагов лица напоминали беляш.

– Группа! Равняйся... Смирно! – скомандовал Малыш, собираясь доложить командиру, что личный состав группы специального назначения для утреннего осмотра построен.

– Отставить, – хмуро сказал капитан и медленно обвел глазами строй.

Для всех командировка в Чечню показалась несбыточным благом в свете предстоящих воспитательных мероприятий.

– Значит так, – медленно начал командир, —Малыш... Давай... Командуй... Группа – занятия по распорядку. Тайсон, ко мне в канцелярию. До командировки все увольнения я прикрываю... Вопросы есть?

– Отсутствуют! – гаркнули три шеренги, ибо за побоище все ждали второй Варфоломеевской ночи.

– Разойдись! – крикнул Малыш, с трудом понимая, радоваться или огорчаться такому повороту дела. Инну он не видел уже целую неделю.

* * *

Следующие три дня группе показались адом. Кэп был мужик суровый. Мало говорил, но много делал, и все понимали, что прикрытыми увольнениями не отделаются. За «массовые спарринги» в столовой каждый уже пролил по семь ведер пота, и это было только начало. Глядя на мучения подчиненных, командир, улыбаясь одними глазами, одобрительно приговаривал:

– Ничего, ничего. Больше пота здесь, меньше крови там.

В течение дня спецы на стрельбах, марш-бросках и тактических занятиях так изматывались, что в столовой вели себя, на удивление всего полка, тише воды, ниже травы, а культовой команды «отбой» ждали больше, чем дембеля. Малыш

не помнил, как засыпал, зато хорошо помнил день отправки в командировку:

– Если кэп собирается воспитывать нас до самой погрузки, то хреновые мы будем воины...

У группы силы были на пределе. Особенно тяжело дался последний ночной «бросок». По полной боевой днем-то тяжело бежать, а чего уж говорить о ночи. А если к этому прибавить, что то же самое будет завтра и послезавтра и через неделю мало что изменится, то от безнадёги хочется заорать: «Будь ты проклята, российская армия!». Примерно так и думал Малыш каждый раз перед тем, как во сне отлететь к своей единственной. За всю неделю лишь однажды ему улыбнулась удача. Со своим отделением он попал в наряд по столовой. Завалившись на топчане в хлеборезке на засаленный бушлат, он сладко потянулся и сам себе процитировал:

Кто в армии не был,

Тому не понять,

Как хочется кушать,

Как хочется спать.

В тот день он отоспался за все предыдущие.

* * *

После очередного «олимпийского» дня группа спала без задних ног. Режим в армии – великая вещь. Организм привыкает есть и спать по часам, к тому же армейская молва гласит: «Чем больше спим, тем ближе к дому». Поэтому сон в любых войсках – это святое. А вот Малышу после «спально-

го» наряда не спалось, к тому же очень тянуло к той, которая наверняка уже спала и даже в кошмарном сне не смогла бы представить сотой доли того, что происходит с ним.

– Загран, пить хочу, – жестко прозвучало в ночной тишине. Где-то вверху закрипела панцирная сетка, и две голые пятки спрыгнули на пол.

– Загран! Я не понял?! – специально громко спросил Малыш.

Повисла тишина.

– Загран! – так же громко и даже устрашающе прошипел Муса – дагестанец, который был в большом почете у своих и от которого больше всех доставалось молодым, в основном русским.

– Отставить, Загран. Если ты сейчас не ляжешь обратно, то я сам тебе вломлю, – спокойно сказал Малыш не столько для Заграна, сколько для Мусы.

* * *

В полку даги держались очень дружно. Их было понемногу в каждой роте, но если задевали одного, то они собирались всей кучей, и поэтому с ними считались. В спецназе дагестанцев было человек тридцать. Все были коренастые, крепкие парни, бывшие борцы, боксеры, другие в спецназ, в общем-то, и не попадали, а если и попадали, то не выдерживали нагрузок, и их переводили в обычные роты. Муса среди своих земляков был самый крепкий, самый выносливый и авторитетный. В группе у командира он был одним из лю-

бимчиков, хотя кэп даже не представлял, что тот устраивает после отбоя, когда «советская власть» заканчивается. Зато Малышу, Тайсону, Балу и Гному все это было хорошо известно. Более того, они и сами не так давно «отлетали», и воспоминания о своих дедах, таких же злых и коварных и до отвращения тупых дагов, еще были свежи. Поэтому в группе был договор: дагестанцы молодых русских не трогают, а из своих «черных» пусть хоть жилы вытягивают, чего, естественно, не происходило.

Загран был русским. Малышу он понравился сразу. Из всей молодежи он был единственным, кто вместе с дедками и дембелями после первого двадцатикилометрового маршброска забежал через ворота КПП в часть. Все остальные молодые потерялись где-то по дороге. А Загран на себе притащил еще чей-то бронежилет. За ужином Малыш позвал его к себе за стол, где ели сержанты, и попытался расспросить его, кто он и откуда. Парнишка оказался детдомовцем. На этом, собственно, все расспросы и закончились, так как не трудно было представить, сколько парень повидал. В группе его окрестили Заграном, по фамилии Заграничный, происхождение которой тот объяснить не мог. Когда его вместе со всеми молодыми начали прессовать деды, и по большей части даги, Малыш вывел его в туалет, дал сигарету и объяснил, что он человек и унижать его не может никто, в особенности черномазые, которые на следующий день в столовой и в группе огреблись на все деньги.

* * *

– Загран, я ведь щас встану, – снова прошипел Муса.

Загран стоял возле своей кровати и не решался что-либо предпринять.

– Загран, я жду еще пять секунд, – уже на полном серьезе сказал Малыш.

– Малыщ? Зачем ты вмещиваешься? – не совсем уверенно спросил Муса, так как хорошо еще помнил последние два удара в столовой.

Малыш ему не ответил. Молча встал и пошел к Заграну. Через несколько секунд в темноте раздался хлесткий удар в грудь. Загран отлетел и собрал штук пять табуреток, которые мгновение назад были выстроены по ниточке. Малыш наклонился к нему:

– Если я еще раз узнаю, что ты шестеришь дагам, поверь, мало тебе не покажется... И почаще вспоминай, что ты человек, – направляясь к своей кровати, уже спокойно сказал Малыш.

– Малыщ?! Не много ли ты берешь на себя? – с явным неуважением прошипел Муса и привстал на кровати.

Малыш как раз проходил мимо него:

– А ты скажи своим черным, если еще раз кто-нибудь затронет наших молодых – встрянешь ты. Со своими делайте что хотите, в Чечне их хоть перестреляйте. Русских не трогайте. Понял?

– Подожди, сочтемсу, – прошипел Муса, с головой накры-

ваясь одеялом.

* * *

За обедом Малыш узнал, что вечером дежурным по группе заступает лейтенант Князев. Князь всю жизнь проходил в прапорах, а лейтенантские погоны получил за год до пенсии, отучившись в экстернатуре. В полку был известен как матёрый афганец и горький пьяница, но в группе у дедов пользовался популярностью, так как за пол-литра водки мог отпустить до утра. Зато молодым его дежурства ничего хорошего не предвещали, так как он либо пьяный спал, либо пил, а в это время небо казалось с овчинку.

Малыш еле дождался вечера. После отбоя, уже в «гражданке», он не вошел, а влетел в канцелярию. Князь смотрел «Новости».

– Ну и что в мире происходит? – для приличия спросил Малыш, даже не глянув в телевизор.

– О, уже переодетый! Расслабил я вас... – для приличия возмутился Князь.

– Да ладно, товарищ лейтенант, таксу мы знаем, все будет без залетов, – сказал Малыш, выставляя на стол бутылку, за которой ему после ужина на командирском «уазике», якобы на заправку, съездил молодой.

– Сколько вас идет-то? – пряча бутылку в стол, спросил Князь.

– Да я один, – уже на ходу бросил Малыш. Теперь каждая минута была на счету.

* * *

– Артем! – бросилась на шею Инна, никак не ожидавшая увидеть его на пороге. Он по ней так соскучился, что даже, не стесняясь отца, поцеловал ее раза четыре.

– Ну, мать, накрывай, солдат наш пришел!

– Здравствуйте, – не выпуская Инну из объятий, поздоровался Артем и еще раз поцеловал ее.

– Ну дверь-то хоть закройте, – по-доброму возмутился отец и пошел помогать жене на кухне.

– Ты почему так долго не приходил? Я уже думала, что вы уехали. По телевизору такие страсти передают. И не позволил даже ни разу?! – с детской обидой сказала Инна.

– Долгая история, не будем об этом, – прошептал Артем, закрывая дверь. – Потом все расскажу. – Так же тихо сказал он и еще раз поцеловал ту, мыслями о которой жил все это время.

* * *

Они познакомились за три недели до армии. По счастливой случайности Артем остался служить в родном городе и благодаря своему спортивному прошлому попал в спецназ. Два месяца они писали друг другу письма, а затем Инна приехала к нему на присягу, и он, стоя с автоматом на груди среди доброй сотни лысых парней, понял, что эта та единственная, которую он будет любить всю жизнь. После присяги всех местных до утра отпустили в город... и была такая прекрасная ночь, а утром она стояла заспанная перед ним, а

он застегивал верхние пуговицы кителя, и не было счастливее их на свете.

* * *

После ужина они наконец-то остались вдвоем в маленькой, но уютной Инниной комнате. Сидя на диване, Артем снова обнял ее и, не веря, что это не сон, прошептал:

– Как я по тебе скучал...

– Я тоже, милый...

От прилива нежности Артем, еле сдерживая слезы счастья и умиления, наверное, в сотый раз за этот вечер поцеловал ее.

– А у меня зубик болел, – голосом маленькой девочки начала рассказывать Инна, – представляешь, в детстве занималась баскетболом, и на тренировке мне одна девочка случайно ударила по губам. Губы тогда распухли, я даже в школу не ходила. А дней десять назад зубы утром чистила, больно, чувствую, зуб шатается. Ну, я в слезы, ладно бы какой-нибудь, а то передний. В больницу приехала, мне говорят, что зуб спасти можно, только нужна операция и денег вагон. С мамой деньги собрали, на следующий день приехали. Так больно было, я наревелась! Там костную ткань наращивали, что-то тянули, вшивали, вживляли...

– Ты моя бедная, – искренне посочувствовал Артем и поцеловал ее в щечку.

– Конечно, бедная... Знаешь, как больно было... – все так же, как маленькая девочка, сказала Инна, вжимаясь в объ-

тия Артема.

– Да уж откуда мне знать, что такое боль!? – съязвил Артем и еще сильнее обнял ее.

* * *

Когда он уходил, родители еще спали.

– Если мать позвонит, не говори, что я у вас был, и своим скажи, а то обидится. К тому же эта командировка... Прикинь, как она переживает, – попросил Артем, стоя уже у двери.

– Хорошо, милый, как скажешь, – обняв его, сказала Инна и, привстав на цыпочки, поцеловала.

– Все, сладкая моя, я пошел... Народ ведь думает, что я его охраняю, – улыбаясь сказал Артем и побежал по лестнице.

* * *

Князь еще спал. В канцелярии было накурено, а под столом, помимо своей бутылки, Малыш нашел еще две пустые.

– Товарищ лейтенант, я пришел, – сказал он, потормошив еще «синего» офицера.

– Молодец, – приоткрыв глаза и тут же снова уснув, сказал Князь и больше не подавал признаков бодрствования.

Малыш вышел из канцелярии и пошел к своему взводу. Деды и дембеля еще спали, а молодые «плавали» – мыли пол. Возле его кровати тряпкой возил Загран.

– Да брось ты, Загран. И так чисто, – сказал Малыш и, улыбнувшись, протянул руку. Загран бросил тряпку и нелов-

ко протянул локоть, чтобы Малыш пожал не мокрую кисть, а сухой рукав тельняшки. От неловкости ситуации Загран улыбнулся. В верхнем ряду не было двух передних зубов.

– Загран, только не говори, что ты упал, – вмиг стал серьезным Малыш. Улыбка сошла с лица Заграна. Он опустил голову...

– Че ты молчишь? На меня смотри, – начал заводиться Малыш, предполагая, чьих рук это дело. – Черные?

– ...Ты только ушел, Муса и еще два дага хотели меня заставить, чтобы я им кровати расправил, ну и заодно вспомнили, что я воды не принес.

– Ну а ты?

– Я сказал, что не буду, потому что...

– А они? – перебил Малыш.

– Ну, Муса мне и...

– А еще два дага кто были?

– Мага и Тофик, они потом уже... Попинали и ушли.

– Ну а ты че? Мусу-то хоть раз зацепил?

– Да не раз, я как зубы выплюнул, как начал их молотить, потом, правда, они меня запинали, хорошо еще в тапках были, а то бы вообще что-нибудь отбили... А из-за того, что на дедов руку поднял, они весь наш призыв всю ночь плющили.

Малыш быстро окинул взглядом молодых, ползающих рядом с тряпками. Доказательства вчерашнего «веселья» были почти на каждом лице.

– А где были Гном, Тайсон, где был Балу? – недоумевая,

спросил Малыш.

– Они с Князем в канцелярии пили, да нам еще и от них досталось – ночью за водкой пришлось бегать.

– Балу! – заревел Малыш, подбегая к его кровати. – Балу, подъем!

– ...Не ори, – морщась после вчерашнего, с трудом продирая глаза, сказал Балу. – Еще полчаса можно спать, – все-таки сумев их открыть, добавил он.

– Балу, ты куда вчера смотрел?.. Парни, ну как вы так?.. – искренне огорчился Малыш, сев на кровать.

– Малыш, да на хрен тебе эти черти нужны, че ты с ними возишься? Если лохи, то и пусть живут как опущенные, мы так не жили, – зевая, начал было Балу.

– Мы так не жили... Балу, нам же на войну вместе с ними ехать!..

Из канцелярии вышел князь. Покачиваясь, он вошел в туалет. Дверь, закрипев, приоткрылась, и все, кто уже не спал, слышали бодрое журчание.

«Господи, да когда же это все кончится? Да когда же дембель?», – подумал Малыш и, вскочив с кровати, от безысходности, заорал:

– Подъем! Группа, подъем! На месте построения по форме четыре строиться!

Те, кто еще спал, зашевелились под одеялами. Молодые, побросав тряпки, выбежали на «взлетку». Для всех началось еще одно безумное утро. А с этого дня у Загрانا появилась

новая кличка. В группе его стали называть Вампиром.

1999

Утро прекрасной жизни

Поздним вечером тридцатого декабря Дмитрий Владимирович Орлов на своем годовалом мерседесе представительского класса со всеми мыслимыми наворотами, минуя унылый Московский проспект, выехал из Ярославля. Впереди его ждали пять часов пути по заснеженной русской дороге, через города и деревеньки со старыми, былинными, почти сказочными названиями: Гаврилов Ям, Ростов Великий, Переславль-Залесский, Сергиев Посад... Сквозь плотный снегопад, по нечищенной скользкой трассе ему предстояло проехать по Ярославской, Владимирской и Московской губерниям. Трудно представить, сколько людей и событий, повлиявших на ход российской истории, со времен Ярослава Мудрого прошло и проехало по этой дороге. Орлов спешил в свой загородный дом, который находился в ближайшем Подмосковье, где его ждала жена, елка и где он планировал встретить Новый год, до которого оставалось чуть больше суток. Путь от Ярославля до дома Орлов предполагал преодолеть как обычно, за четыре-пять часов, но уже в дороге он понял, что может приехать и под утро, а значит опять скандал и как минимум, испорченные полдня, а с учетом того, что следующий день тридцать первое, то возможно, и в но-

вый год, он войдет не с самым лучшим настроением. В последнее время с женой дела не ладились.

Вместо привычных ста тридцати, по белому полотну, где местами прорисовывалась черная колея асфальта, выбитая колесами грузовиков с прицепами, Орлову пришлось ехать семьдесят и даже шестьдесят километров в час. Фары выхватывали из темноты плотную завесу снега и, все говорило о том, что снегопад зарядил на всю ночь. С двух сторон на обочинах и тут и там с аварийными сигналами стояли фуры. Матёрые дальнбойщики предпочли дожидаться утра. Здравый смысл тоже говорил Орлову вернуться, переночевать в гостинице и завтра по светлому спокойно поехать, но желание попасть быстрее домой, и без того натянутые отношения с женой, с её вечными претензиями, типа, «Тебя постоянно нет дома», и, «Я всегда одна», плюс, нежелание менять решения, да еще и новый год все усугублял, короче, он решил во что бы то ни стало дома быть именно сегодня, к тому же в Ярик и обратно он ездил раз сто и эту дорогу знал отлично.

За всю зиму ни в Москве, ни в Ярославле не выпало ни снежинки. Деревья стояли голые, дома, дороги и улицы были серыми, машины грязными и все уже смирились, что очередной Новый год пройдет не только без привычного белого пушистого убранства, а возможно и под проливным дождём, как это уже бывало ни раз. Определённо, с погодой, природой и климатом творилось что-то невообразимое. Накануне праздников по инерции люди покупали ёлки, несли

их домой, наряжали, в магазинах закупались к праздничному столу, выбирали подарки близким, но все это происходило как-то буднично, без азарта и не суетливо. Праздничного настроения ни у кого не было, оно не чувствовалось и ни в чем не проявлялось, но вдруг все изменилось. Меньше чем за неделю до Нового года снег как повалил и все, что природа задолжала за зиму, высыпала с избытком. Первые два дня снегу радовались: на лицах прохожих появились улыбки, повсюду закипела теперь уже настоящая праздничная предновогодняя суета, во дворах детвора начала строить горки, в парках появились истосковавшие по снегу лыжники, дворники наконец-то достали лопаты, которые были наготове с октября и, казалось, что все пришло в норму. Однако, лиха беда начало. Снег не прекратился ни на третий день, ни на четвертый. А на пятый он пошел еще и ночью, в конце концов, парализовав привычную жизнь европейской части России. Синоптики, как водится, о возможном снегопаде предупреждали, коммунальщики с экранов телевизоров говорили, что мобилизованы и ко всему готовы, а на деле все оказалось как всегда – людей и техники не просто не хватало, их усилия были вообще не заметны по сравнению с тем, что творила природа, и в результате: нечищенные дороги, пробки, повсеместные аварии, заваленные снегом дворы и улицы. Поход на работу и вообще любой выход из дома превращался в испытание. К хаосу, который устроила стихия, как выяснилось, никто не был готов, и тем разительней была карти-

на, которую по вечерам в спокойной тишине квартир могли видеть горожане из своих окон. Красота и безмятежность, волшебство, которое дарят бесконечные хлопья снега своим спокойным, завораживающим полетом, плавным падением в безветренную ночь в лунном свете или свете бледных фонарей.

Орлов выехал из Ярославля в десятом часу. В старинный город на Волге в канун Нового года он естественно ехать не хотел, но дела заставили. Вот уже двенадцать лет Дмитрий Владимирович Орлов, владелец и генеральный директор туристической компании «Граф Орлов» выгуливал иностранцев по России. Возил в заповедники на Камчатку, сопровождал паломников в путешествиях по монастырям Костромы, Суздаля, Ярославля и прочим городам Золотого Кольца России. В Санкт-Петербурге проводил международные семинары и форумы, причем с таким размахом, что молва о вечеринках, которые устраивал безумный русский в дни закрытия мероприятий в Петровских и Екатерининских дворцах, находящихся, между прочим, под защитой ЮНЕСКО, с берегов Невы докатывалась до берегов Австралии и Южной Америки. На Алтае, для очень богатых европейцев Дмитрий Орлов организовывал сафари на медведей из боевых луков, правда, толстопузых любителей пощекотать себе нервы страховали минимум два-три мастера спорта по пулевой стрельбе с армейскими карабинами, так что у мишек шансов не было никаких. Каждое лето к Орлову приезжали американ-

цы, которые мечтали на своих катамаранах под парусами пересечь самое большое озеро в мире и этим озером был холодный Байкал в окружении тайги и седых гор. Причем американцы свои надувные катамараны, мачты, паруса, весла и прочие снаряжение, через Атлантический океан и всю Европу везли прямо из Америки. У них возникало множество проблем в аэропортах и на таможне, вояж из-за перегруза и габаритов багажа обходился в бешеные деньги, но каждый год, минимум две-три команды приезжали к Орлову. Все они были из какого-то клуба путешественников, цель которого было посещение всех крупных озер и внутренних морей на планете. Экзотики ради, однажды Орлов с французскими историками и археологами, спонсируемыми богатыми выходцами из России, представителями белой эмиграции, полтора месяца провел в тайге под Иркутском на поисках пропавших обозов с золотом Колчака. Золото конечно не нашли, но Дмитрий Владимирович Орлов был удостоен почетного звания «Достойный Сын Отечества», о чем написала вся русская эмигрантская пресса Франции. Рассказ об экспедиции, об Орлове и его деятельности нежданно-негаданно, сделал «Графу Орлову» такую рекламу в Европе, что туристическая компания Дмитрия Владимировича, уже смогла выбирать, за какие проекты браться, а какие игнорировать в виду их малой рентабельности. Пока шла война в Чечне, Орлов свозил несколько миллионеров из стран сытого Запада на реальную войну на Кавказе. Желających повоевать готовили несколь-

ко недель лучшие офицеры спецназа ГРУ, чьи части дислоцировались в мятежной республике, а затем с настоящими спецназовцами новоявленные «коммандос» выдвигались на выполнение боевых задач: ходили в разведку, участвовали в настоящих зачистках, сидели в засадах. Когда в районах дислокации дружественных Орлову частей все было тихо, а войной и не пахло, для «дорогих» гостей инсценировали и разыгрывали целые спецоперации с выводом на театр военных действий минометов, артиллерии, БТРов и вертолетов. Спецназ штурмовал какую-нибудь высоту, «высота» в виде переодетых срочников огрызалась шквальным огнем, и все выглядело очень даже по-настоящему. Клиент никогда не смог бы догадаться, что эта инсценировка и всем происходящим руководит очень профессиональная режиссерская рука. На территории России, vip-гостям, Орлов мог организовать любой каприз. В этом, в общем-то, и заключалась его работа.

Недоброжелатели, а точнее менее успешные конкуренты «Графа Орлова» упрекали Дмитрия Владимировича в том, что он торгует Россией, что он циник и не патриот, но это было не так. В одном популярном ток-шоу на телевидении Орлов на всю страну заявил:

– Мои гости, очень богатые люди со всего мира. Да, первоначально они едут к нам за экзотикой, за «клюквой» – матрешки, медведи, балалайки, пышногрудые красавицы с русыми косами в кокошниках и все прочие, но после визитов в

Россию, когда они видят нашу такую сложную и противоречивую жизнь, когда они погружаются в нашу богатую культуру, когда они видят, сколько в России культурных и образованных людей, какими темпами развивается наша страна и наша экономика, они уезжают совсем с другими мыслями. Я не возлагаю на себя миссии интеграции новой России в мировое сообщество – это успешно произойдет и без меня, но одно то, что к нам в гости приезжает бизнесэлита со всего мира и видит, что мы не дикари с ядерными дубинками, на территории обитания которых, к ужасу всего мира, залегают семьдесят процентов мировых энергоресурсов и прочих природных ископаемых, я думаю это крайне важно. Еще не так давно упал железный занавес и интерес к России, безусловно, есть. Все зависит от того, как мы этим воспользуемся и как реализуем, но это уже тема для другого разговора.

Что же касается не патриотизма и цинизма, то съездите в Таиланд или на Кубу. Посмотрите, как там процветает секс-туризм. Вот там, действительно сильные мира сего торгуют своей страной. В Таиланде если в семье родился мальчик – это горе. Девочка хоть подрастет, проституткой станет, деньги будет в семью нести.

Примерно тоже самое на Кубе. Хотя Таиланд вместо тринадцатилетних девочек может предложить миру тайский массаж и тайскую медицину, азиатскую экзотику буддистского мира, Куба, свои сказочные пляжи и потрясающую латино-американскую культуру. Посмотрите, Египет, только

на одних Пирамидах и Красном море построил свою туристическую индустрию. У Турции нет и этого. Но Россияне не ездят на родное Черное море и курорты Краснодарского края, а ездят в Турцию, потому что там сервис. В Турцию за сервисом ездит пол-Европы, потому что близко и дешево, а сервис не хуже чем в американском «Хилтоне». Турецкая индустрия туризма поднялась на заботливых руках и повсеместном внимании к каждому гостю страны, а это миллионы, миллиарды долларов, которые инвестируются из года в год в бывшую Османскую Империю, поэтому давайте оставим разговоры, кто, чем торгует. Есть законы рынка, мировая практика, по которой развивается та или иная отрасль или индустрия, и я хочу сказать, что половина вместе взятых стран мира не имеют того, что имеет Россия. Мы можем предложить туристам со всего мира потрясающий отдых в Приморье на Дальнем Востоке, в Карелии, на Камчатке, активный отдых в Алтайских горах и на озере Байкал, красоту Сибирской тайги и Уральских гор, не говоря уже о Кавказе, Черном и Азовском море. Вместе с тем мы можем обеспечить роскошный интеллектуальный отдых, пожалуйста – Питер, музеи и история Москвы, туры по былинному Золотому Кольцу России, это лишь то, что я смог назвать навскидку, но этим нужно заниматься, а не быть ханжой и обвинять успешных людей бог знает в чем. Да, я занимаюсь элитным туризмом, но у меня есть мораль и кое-что посильнее морали – это законы бизнеса. Если ты ведешь себя не коррект-

но в этой наисложнейшей отрасли туристического бизнеса, то очень скоро твой бизнес рухнет. К тебе просто перестанут приезжать. Личное поведение, обоняние, харизма, образование и уровень культуры – это все так же крайне важно. Богатые люди, я вас уверяю, очень разборчивы и в нашем тонком бизнесе репутация превыше всего. К тому же, Россия в глазах иностранцев, страна с неустойчивой геополитикой, поэтому свою жизнь они могут доверить только очень надежным людям и организациям. Я никогда не поведу сына кого-нибудь американского магната по ночным клубам и борделям Москвы. Не мой уровень. Я работаю с серьезными людьми и берусь за те проекты, которые в первую очередь интересны мне.

Тогда на телевидении Орлов не защищался и не оправдывался. Он действительно так считал и так вел свои дела. Среди его клиентов, пусть у них были иной раз и чересчур экзотические желания, в большинстве своем были люди весьма достойные. Например, те же американцы, которые, безусловно, прожигали жизнь, шлясь без особой цели по Великим озерам Северной Америки или по озерам Африки, легендарным истокам Нила, но они могли восхищаться всплеском рыбьего хвоста в лунной дорожке на глади Байкала, или изумляться запахом тайги, её сырой свежестью пасмурным утром. Он видел, что они, дети цивилизации, жители настоящих мегаполисов: Нью-Йорка, Токио или Парижа, могли оценить величие природы, обнаружив утром возле палатки

медвежьи следы, или увидев взлет с воды стаи северных гусей одним мощным взмахом крыльев. Может от того, что эти люди были богаты, а порой, сказочно богаты и многие земные проблемы их не касались, они обладали потрясающей свободой в передвижении, в мыслях, в эмоциях. Их интересовало многое, что обычный человек, зашоренный своими проблемами выживания в мире потребления никогда не заметит, или не обратит внимания из-за малой значимости в рамках его картины мира, а они это смаковали. Их кругозор был так широк, а жизненный опыт так богат, что сидя у костра, они могли запросто рассказать какую-нибудь забавную или невероятную историю, которая с ними приключилась в Индии, в Танзании, в Китае, на фьордах в Исландии. Они видели каналы Венеции и Санкт-Петербурга, бывали на Красной и Трофольгарской площадях, посещали Лувр и Эрмитаж, гуляли по Тадж-Махалу и Собору святого Петра, сидели в императорских ложах на премьерах в «Гранд Опера» и на церемониях открытия Олимпийских игр. Они запросто, с интересными подробностями могли поведать о том, как месяц жили в резервации с австралийскими аборигенами или о том, как были послушниками у буддистских монахов в Тибете, как искали Шамбалу в Гималаях. Для них земной шарик был по-настоящему маленький, но они этим не бравировали, а лишь сожалели о том, что далеко не все могут увидеть и понять, что мир большой и разный. И что он так прекрасен. Давным-давно, когда Орлов привез первых

иностранцев на Алтай, увидев горы, они воскликнули: «Боже, как велик Рерих!» Орлов тогда удивился, надо же, Рериха знают, но потом, спустя годы, когда он побольше пообщался с богатыми путешественниками, он понял, что о неграмотных буржуях, о тупых американцах, которые не читали и не знают, кто такой Пушкин или Толстой, или не в курсе, кто такие Репин или Чайковский, все это байки. Всё они читали, и всё они знают, может не все, но те, с кем приходилось работать Орлову, были люди весьма образованы, талантливы и как следствие, успешные. Имея много денег, далеко не все захотят потратить их на то, чтобы увидеть и попытаться постичь мир. А эти стремились, правда, для этого у них все было: деньги – они давали свободу и независимость, блестящее образование, острый ум и широкий кругозор, которые в итоге и позволяли им быть успешными. Успех – это понимание того, что всё достижимо. Общаясь с этими гармоничными и цельными личностями, Орлов, безусловно, стремился все лучшее у них перенять. Его больше всего удивляло то, что у того же костра, в дремучей сибирской тайге глава транснациональной компании, чья продукция продается в восьмидесяти странах мира, одетый как и все участники экспедиции в камуфлированный костюм, резиновые болотные сапоги и вязаную шапочку, он всё равно выглядит как глава огромного производства, бос мафии или всемирно известный великий дирижер. Мимика, жесты, интонации, тембр голоса – все источает уверенность, основательность и благородство.

Харизматичные, Богом поцелованные люди.

Харизма – это божественное понятие, сияние, которое исходит её обладатель, изюминка. Толковые словари харизму трактуют, как высокий авторитет, основанный на умении подчинять других своей воле. Не без этого конечно, рассуждал Орлов, но всё равно, харизма – это нечто другое. Её обладатели – блестящие люди, как говорили в России в восемнадцатом веке. Не так давно Орлов пришел к мысли, что харизма она или есть, или нет. Её нельзя достичь воспитанием, образованием или еще чем-то. С ней нужно родиться. Именно она позволяет людям добиться успеха и при этом не важно, какой род деятельности изберет её обладатель – спорт или проектирование ракетных двигателей, он везде будет успешен. Харизма, думал Орлов, это алгоритм принятия решений. Вся наша жизнь – это ежесекундное принятие решений. Каждый наш шаг, он неизбежно куда-то ведет и каждый наш шаг не остается без последствий. Успешный человек всегда принимает правильные решения и каждый его шаг – это шаг к успеху, причем это заметно с детства. Не зря же говорят, что сколько ума у человека в восемь лет, столько же будет и до восьмидесяти, и тут не поспоришь.

Еще к одному выводу пришел Орлов, анализируя поведение и стиль жизни своих клиентов. Если деньги взять за мерило успеха, то для людей блестящих, по-настоящему в чем-то талантливых и успешных, деньги – это следствие, а не причина их достижений. И эти деньги, сколько бы их ни бы-

ло, подчеркивают их уникальные грани и сильные стороны. Когда же богатством владеет человек недостойный, деньги лишь усугубляют его уродливость и худшие проявления.

Обо всех этих вещах Орлов задумывался и раньше. Именно это подтолкнуло его к созданию своего бизнеса. В один момент он осознал, что хорошо работать за зарплату и обогащать своими талантами других. Все началось спонтанно, но тема оказалась перспективной и на удивление долгоиграющей. Со временем Орлов работу своей конторы поставил на широкую ногу и как следствие, все в жизни наладилось. По крайней мере, ему так казалось. Если ни брать в расчет проблемы с женой, то, в общем-то, жизнь удалась.

В бизнес элитного туризма Орлов попал случайно. В середине девяностых, будучи еще студентом института культуры и учась на факультете «Режиссура народных праздников и массовых гуляний», Дима Орлов понял, что по профессии двигаться не получится, вследствие её ненужности. При советской власти парады, демонстрации, народные гуляния, открытия и закрытия всевозможных спартакиад, смотров, праздников урожая и прочей ахинеи были частью идеологии советского режима. Режим рухнул, ВУЗы как смогли перестроились, но в «Кульке» режиссерский факультет оставили и ежегодно институт выпускал специалистов, которые в последствии ни дня не работали по профессии. У Орлова на родной институт обид никаких не было. Almamater дала ему намного больше чем профессию, она дала мировоз-

зрение: ему привили вкус и научили разбираться в литературе, театре, кино и архитектуре, подсказали как правильно понимать живопись, музыку и балет, дали азы режиссуры и драматургии, разжевали всю историю мировой культуры и искусства, его все устраивало – он изучал интересные предметы под руководством великолепных, чрезвычайно эрудированных преподавателей с тончайшим вкусом, делал это в окружении ярких и творческих людей, талантливых раздолбаев и просто уникальных личностей, но вот с поиском места в жизни до выпуска он решил не тянуть и, еще учась в институте, принял предложение своего однокашника Константина Станицкого. Станицкий, закончил тот же факультет, что и Орлов, но учился на два курса старше. Защитив диплом, Константин организовал свое агентство праздников, которое занималось проведением свадеб, презентаций, корпоративных вечеринок, рекламных акций, выставок, концертов, одним словом эвентов, «event» с английского переводится, как событие. Станицкий и Орлов не были близкими друзьями, но друг к другу относились уважительно. Придя в офис, Орлов сразу получил небольшой заказ, на котором и понял всю суть бизнеса. Ему нужно было свозить в Египет группу из Нижневартовска, детей работяг нефтяного севера России. Прежде всего, он обзвонил все турфирмы Москвы и нашел самые дешевые туры в страну фараонов. Затем заказал билеты на самолет от Нижневартовска до Москвы и обратно. После забронировал гостиницу и зафрахтовал шикарный ав-

тобус на все время пребывания группы в столице. По условиям договора, дети нефтяников должны были провести два дня в Москве до отлета на Красное море и два дня после возвращения. Проявив сообразительность, Орлов на эти дни нанял экскурсовода, который должен был показать гостям Первопрестольную. Себестоимость поездки на двадцать детей и двоих взрослых, Орлова и Натальи Сергеевны, учителя географии, которая сопровождала группу, вышла пятьдесят тысяч долларов. Орлов путем торговли, уговоров и местами мелкого шантажа, мол, это дорого, мы, наверное, обратимся тогда в другую компанию, удешевил весь проект, примерно, на десять тысяч баксов. Если бы нефтяники сами взялись за организацию этой поездки, то гостеприимные московские менеджеры развели бы их минимум, тысяч на шестьдесят, шестьдесят пять. Орлов уложился в полтинник, а клиенту компания Станицкого выставила счет с учетом агентских в семьдесят пять тысяч долларов.

– В этом бизнесе, все просто, – объяснял Станицкий Орлову, – Чем сложнее заказ, тем больше подрядчиков: гостиницы, транспорт, питание, артисты, развлечения, охрана и так далее. Подрядчикам ты платишь минимум, выбивая максимальные скидки, а клиентам все выставяешь по максимальному прайсу. Вот на этой разнице и живем, плюс, десять процентов агентские. За риск и за заботу. Но это только одна сторона медали, есть и другая. – Станицкий поморщился, – Если не дай бог, не вовремя придет автобус, или вме-

сто белого вина на столе во время банкета окажется красное, или вместо розовых лент на свадебном лимузине неожиданно появятся голубые – это косяк агентства. Все, что указано в договоре, все должно быть выполнено, во что бы то ни стало, иначе, деньги начинают идти в другую сторону, неустойки, претензии и все такое, понимаешь?

– Понимаю, – вздохнул Орлов.

– Ладно, не вздыхай. Для первого раза ты молодец, все сделал блестяще.

Орлов просиял.

– Это только начало – чем дальше в лес, тем толще партизаны! – улыбнулся Станицкий, – Теперь еще раз о самом главном, – он сделал паузу, чтобы максимально привлечь внимание подчиненного, пусть и толкового, но подчиненного, – Все должно пройти как по нотам, от увертюры, до кульминации и развязки в виде проводов со слезами на глазах в аэропорту «Домодедово» на обратный рейс в Нижневартовск счастливых и отдохнувших детей. Следи, чтобы все было по высшему разряду, чтобы никто нигде не опаздывал. В Египте у группы должны быть лучшие номера с видом на море. В гостинице в Москве и в ресторане, где ты их будешь кормить, всё должно блеснуть и переливаться. Скажи своему gidу, на экскурсиях по нашей Белокаменной, пусть хоть вприсядку по автобусу ходит, фокусы им показывает, но чтобы детям было интересно. Все время пока ты сопровождаешь группу – всегда побрит, поглажен, трезв. Не дай бог, что

случиться, ты всегда должен быть адекватен и презентабелен. В случае форс-мажоров, без паники, без суеты, все спокойно. Сразу звони мне, будем решать любые проблемы.

– За это нам и платят, – проникся Орлов и подмигнул бо-су.

– Сечёшь, – удовлетворенно сказал Станицкий и, пожелав удачи и легкой дорожки, попрощался с Орловым.

Поездка в Египет удалась. Дети на удивление оказались очень спокойные и практически не доставляли хлопот. К тому же они все были разного возраста, и старшие всюду приглядывали за младшими. Два дня в Москве пролетели незаметно и группа, быстро сдружившись, в ожидании невероятных приключений, вылетела в Шарм-эль-Шейх. В отеле с непонятным названием «Гардина Плаза», Орлов все организовал таким образом, что дети под его незначительным присмотром отдыхали сами по себе, а они с Натальей Сергеевной, Наташей – наслаждались обществом друг друга. Наташа была ровесницей Орлова. Ей, как и ему, был двадцать один год, и следующей весной она собиралась защитить диплом и закончить Педагогический институт. Из-за мизерных зарплат в школах была нехватка учителей, и, еще, будучи студенткой, она пошла преподавать свою любимую географию. Наташа была невероятной умницей. Она столько знала о стране пирамид и так увлекательно рассказывала, что тёплыми тёмными египетскими вечерами послушать её приходили не только дети, но и некоторые гости «Гардина Плаза» из Белору-

си, Украины и матушки России. Русских в отеле, впрочем, как и по всему побережью Красного моря, было очень много. Ко всему прочему Наталья Сергеевна была шикарной и эффектной молодой женщиной. Все мужчины отеля, не стесняясь жен, не упускали возможность ей улыбнуться и познакомиться. Под таким натиском совершенства северной красавицы, Орлов, будучи мужчиной видным и уверенным в себе, тоже не устоял и приударил. Она не отказала, и у них две недели был настоящий курортный роман, которому не помешало даже наличие двадцати детей в возрасте от девяти до пятнадцати лет. Не смотря на то, что влюбленные были страстно увлечены собой, минимум необходимого внимания детям они всё же уделяли, но это было скорее для очищения совести и для успокоения нервов. Дети отлично справлялись и без них. Без взрослых, было даже еще интересней. Старшие, чувствуя свою значимость и превосходство, по утрам ходили будить младших по номерам, организованно водили их на завтраки, обеды и ужины, опекали на пляже и развлекали как могли. Наташа и Орлов, правда, всегда были рядом, но ненавязчиво. У моря свои шезлонги они располагали так, чтобы дети были всегда на виду. Днем, обязательно все ходили поспать или просто отдохнуть в тени шикарного сада отеля от палящего африканского солнца. По вечерам, после ужина и прогулки, так было заведено, все собирались в чайной беседке и, развалившись, полулежа на коврах с множеством разноцветных подушек с пестрыми узорами, словно

бедуины, попивая ароматный цветочный чай из приталенных стаканов из тонкого стекла с экзотическими восточными сладостями, обсуждали, как прошел день, кто, что нового узнал и какие сделал для себя открытия. Дети искренне делились, откровенно восторгались и восхищались, за что в финале вознаграждались очередной историей от загорелой и от этого еще более привлекательной, похожей на египетскую богиню или жену фараона, Натальи Сергеевны.

Когда однообразный пляжный отдых начал надоедать, Наташа, как истинный учитель географии, организовала экскурсию в столицу Египта, вся шумная компания посетила известный на весь мир Каирский Музей и своими глазами увидела гробницу Тутанхамона, а так же прочие артефакты подтверждающие мощь египетской цивилизации и гипотезу, что именно долина Нила была колыбелью человечества. В этот же день делегация северян во главе со своими взрослыми побывала на Пирамидах в Гизе, ибо если ты был в Египте и не видел Пирамиды, если ты не нёсся всю ночь с бешеным водителем на полуживом автобусе с неоощуемым кондиционером под заунывные арабские напевы из колонок дешевого магнитофона через Сахару, то эта поездка в Египет не считается. Инициатором экскурсии по Нилу на теплоходе в свою очередь выступил Орлов, впрочем, как и на прогулку на верблюдах по легендарной пустыне, всех вывел тоже он. Уже без детей Орлов с Наташей на один день съездили в Иерусалим, погуляли по граду Господнему, а на обрат-

ном пути полежали на спине без резких движений в плотном Мёртвом море, таким образом, посетив две главные достопримечательности Святой Земли. Затем, убедившись, что их отсутствие подшефные особо и не заметили, отдохнув от путешествия в Израиль, они съездили в граничащую с Египтом Иорданию, но это уже был перебор, во-первых, деньги закончились, Орлов и без того потратил весь фонд который был заложен на непредвиденные расходы, а, во-вторых, они просто устали от бесконечных ночных поездок по пустыне. От отдыха тоже можно устать и остававшиеся дни они предпочли провести в отеле на волшебном Красном море, чей подводный, сказочный мир неподготовленных людей потрясает, а бывалых, каждый раз по новому, восхищает.

Путешествия, тёплое море, жаркие египетские ночи, полные ласки и неги, всё пролетело как сладкий сон. Хоть Станицкий и ёрничал, но в «Домодедово» с Орловым дети действительно прощались со слезами на глазах, еще не понимая, что они должны быть благодарны не ему, это не он им подарил неповторимую сказку, а путешествие, Египет, море, солнце, Наташа, словно Шахризада со своими историями.

– Спасибо вам Дмитрий Владимирович, мы никогда вас не забудем, – благодарили дети.

– Это точно, – подмигнула Наталья Сергеевна и загорелая, красивая, независимая, шикарная женщина, в окружение бронзовых детей скрылась в застеколье аэропорта. Египетская сказка закончилась. Всем нужно было возвращаться

в привычную жизнь.

На следующий день утром в офисе Орлов отчитался за командировку, списав на мифические форс-мажеры деньги, которые они с Наташей потратили разъезжая по соседним с Египтом странам. Затем, там же, в бухгалтерии, получил свои тысячу двести пятьдесят долларов – это были пять процентов от двадцати пяти тысяч прибыли, которые он принес компании. Для студента это было целое состояние, а с учетом еще и шикарного отдыха со всеми опциями, за счет фирмы, тут конечно было над чем задуматься. Помимо денег Орлову вручили новый заказ, но уже по серьезней предыдущего и, пошло-поехало: в течении следующего года, он шестнадцать раз побывал за границей, причем не только в Турции и Египте, а в странах Западной Европы и два раза в Америке. Новый год он встречал в Куршовеле, летом несколько раз побывал в Монако, всюду, где гуляли и кутили русские богачи, везде накануне появлялся Станицкий в компании Орлова. По делам службы, Орлов перезнакомился со всем шоу-бизнесом Москвы, ибо без звезд эстрады, телевидения, театра и кино не проходило ни одной свадьбы, ни одной презентации, ни одного мало-мальски приличного банкета, не говоря уже о корпоративах и презентациях. Орлов лично провел несколько мероприятий для олигархов, крутых бандитов и высокопоставленных чиновников. Гуляли люди, конечно с размахом, не только с цыганами и медведями, но и с легендами мирового шоу-бизнеса, причем последние под утро, ко-

гда рамки, лёд статусов и понтов, языковые барьеры и остатки норм приличий и здравого смысла смывались алкоголем и выдувались коксом, поддавшись безудержному русскому веселью, приглашенные звезды, которые должны были веселить, веселились так, что им впору было позавидовать – тусуются, отжигают, а им за это еще и такие сумасшедшие бабки платят. Вот, что значит правильно организованная жизнь!

Каждый свой проект Орлов выполнял с блеском. У него никогда не опаздывали артисты, никто никогда не задерживался в пробках. Всё привозили и увозили вовремя. На мероприятиях никогда не было форс-мажеров, накладок и конфликтов, все начиналось и заканчивалось по сценарию. И ни потому, что он был такой выдающийся организатор, хотя и не без этого, а потому, что он всех подрядчиков садил на персональные договоры и все, кто принимал участие в его «шоу», имел личную ответственность с оговоренной ранее и подписанной системой штрафов и неустоек. Но самый главный момент успеха Орлова, был даже не в этом. Он нигде не прокальвался, потому что все делал сам, лично. Свои дела никогда ни на кого не перекладывал, за всеми помощниками проверял и перепроверял, всюду страховался. Шизик – говорили о нем в агентстве, но его дотошность и ненормальная щепетильность, привели к тому, что самые серьёзные заказы в компании и vip-клиентов Станицкий доверял только ему.

Так пролетел год, с той знаменательной поездки в Египет, которую Орлов всегда вспоминал с нежностью и легкой гру-

стью. Он несколько раз звонил Наташе, она ему тоже звонила с удовольствием, они перебрасывались электронными письмами, планировали ещё куда-нибудь съездить вместе, но расстояние и повседневные заботы свели этот роман на нет, оставив его участникам приятные воспоминания, которые вряд ли сотрутся и будут сопровождать до конца дней.

«Побольше бы таких воспоминаний», – думал Орлов, ежедневно ныряя в гущу и водоворот событий, а чаще, оказываясь в их эпицентре. Развлекая и развлекаясь, он защитился, причем диплом его был написан на основе изысканий и исследований его новой работы. Главной его идеей было то, что любое мероприятие не зависимо от масштаба и статуса – это действо. Это как фильм или спектакль, со всеми законами драматургии: вступление, завязка, кульминация, развязка, выход. В зависимости от того, каких эмоций ты хочешь добиться от зрителей, активных или пассивных участников действия, зависит и темп, и смена, и продолжительность актов, а так же ресурсы и выразительные средства, которые ты подбираешь для этого «шоу». В дипломе Орлов подробно описал свадьбу дочери одного министра, крестины младшего сына известного бандита, «царскую» охоту губернатора Московской области и встречу Нового года большой группы известных российских персон во французских Альпах.

– И вы этим зарабатываете себе на жизнь?! – восхищенно удивился председатель госкомиссии.

– Да, – не без гордости ответил Орлов.

– Это, пожалуй, поинтересней режиссуры народных празднеств и гуляний.

– Возможно, но я думаю, что и там я бы смог придумать и реализовать интересные идеи.

– Не сомневаюсь, – по-отечески сказал председатель, и Орлов получил свою законную пятерку.

Но почивать на лаврах долго не пришлось. В этот же день Орлову позвонил Станицкий и сказал, что есть дело на миллион.

– Буквально или фигурально? – поинтересовался Орлов.

– Не умничай, собирайся и вали в офис, дипломированный режиссер..., – последнее Станицкий сказал покровительственным тоном. Для него защита была таким давним событием, и настолько пройденным этапом, что казалось, будто «Кулек», лекции, сессии – это было так давно, но вспоминать все это было чертовски приятно.

– Тогда с тебя шампанское, по случаю моей защиты.

– Хорошо, хорошо, только приезжай быстрее, – в голосе боса чувствовалось возбуждение, восторг и нетерпение.

«Видимо, действительно что-то интересное, – подумал Орлов, положил трубку и начал собираться.

Из офиса они напрямик поехали в ресторан.

– Так и быть, я угощаю, – сказал Станицкий, когда к ним подошел официант.

– Ну, раз так, то я не буду стесняться, – пошутил Орлов и, зная толк в банкетах, сделал заказ на двоих с присущим

организатору праздников вкусом и размахом.

Станицкий все воспринял спокойно.

«Значит дело действительно на миллион», – подумал Орлов, – Ну, не томи, давай выкладывай, – заинтересовался Орлов и внимательно посмотрел на боса.

– Дим, скажу сразу, клиент очень серьёзный, а заказ неподъёмный, – Станицкий сделал паузу и закурил, – Я, если честно, сразу хотел отказаться, но потом, взял паузу и решил посоветоваться с тобой.

– Какая лесть, как ты умело расставляешь ловушки, – ухмыльнулся Орлов, – Не забывай, я ведь тоже режиссер и не хуже тебя умею работать с людьми.

– Да я уже это понял, – Станицкий одобрительно кивнул. Ему было приятно, что толковый Орлов работает именно у него. – Дело действительно серьезное. Проще отказаться, но... Жадность говорит, что при благополучных раскладах и хоть минимальном везении – это возможно.

Последняя фраза убедила Орлова, что Станицкий не шаркивается и не заманивает его. Костя был тот еще аферист, и если даже он не уверен в реальности проекта, то это однозначно было что-то из ряда вон выходящее.

– Ну, не томи уже.

– Короче, группа иностранцев, богатых иностранцев, – подчеркнул Станицкий, – хочет с русскими подводниками сходить в поход к Северному полюсу. Все расходы берут на себя, плюс сто тысяч баксов агентству, в случае, если путе-

шествие состоится.

– Да они, что там, охринели, – искренне возмутился Орлов, – А из наших ядерных ракет, Суринам, например они не хотят расстрелять?

– Дим, давай без эмоций. Я в первый момент подумал так же. Но все же, как ты думаешь, это возможно?

– Не знаю... В принципе, всё возможно, вопрос лишь денег и ресурсов, – риторически сказал Орлов, а затем неожиданно для Станицкого выпалил, – Прибыль пополам.

– Идет! – не растерялся Станицкий и они пожали руки. Затем официант принес шампанское, начал накрывать на стол, они расслабились, начали выпивать, закусывать. О делах в тот вечер больше не говорили. Выпили за диплом, за «Кулек», за преподав, всегда есть любимые преподы, которые не только профессию дали, но и жизни научили и в люди вывели. Повспоминали студенческие годы, байки, непроходимые зачеты и экзамены, которые брали измором, в общем, для обоих неожиданно получился приятный вечер. Станицкий немного поморщился, когда принесли счет, но уговор есть уговор. Орлов улыбаясь безмолвно позлорадствовал и, вызвав такси, они разъехались по домам.

Там, за столом, Орлов еще не верил, что боевой поход! с русскими моряками!! на подводной лодке!!! на Северный полюс!!!! с участием иностранцев!!!!, разве это возможно? Но из опыта работы с военными он знал, если этих людей конкретно заинтересовать, и если они возьмутся, то полюбо-

му доведут до победного. Одно слово, военные.

Однажды, Орлов на кануне двадцать третьего февраля возил руководство сотовой компании на армейский полигон, одной из элитных частей в Подмосковье, где президент, вице-президенты, совет директоров, и прочие крупные рыбы катались на танках и БТР-ах, затем были соревнования по стрельбе из всех видов стрелкового оружия, включая гранатометы. Грохот орудий и лязг гусениц, запахи солярки, пороха и гари, вероломная мощь танков, оружие, стрельба, вспышки, залпы, отдача прикладов, пробуждают даже в законченных клерках настоящие мужские инстинкты воинов и охотников и как об этом не поговорить, когда ты на вершине мира, за чаркой доброй русской водки, под грибочки, солёные огурчики, селедку с лучком и картошечку. Поэтому, сразу после стрельб, в шатре, оборудованном тепловыми пушками, vip-ы даже на полигоне нуждаются в комфорте, был запланирован легкий фуршет с участием полевой армейской кухни, разумеется, для экзотики. Все закуски, горячие блюда, мясо, овощи, фрукты и спиртное были привезены из Москвы из ресторана «Прага», вместе с официантами, одетыми в камзолы и мундиры времён Екатерины второй. Когда сотовики возбужденные стрельбой, водкой и свежим воздухом подкрепились, состоялось торжественное подведение итогов и церемония награждения, причем отмечены были все, не только победители и призеры. Таковы законы бизнеса, клиент должен быть обольщен и обласкан.

Взрослые, богатые мужики, имеющие приличные состояния и недвижимость не только в России, но и за её пределами, радовались как дети памятным медалькам и грамотам с классическими: «За волю к победе» и «Приз зрительских симпатий», а так же упоминанию в потешных номинациях типа: «Глаз-алмаз», «Варашиловский стрелок», «Самый меткий Вице-президент», «Гроза конкурентов», «Снайпер поневоле» и далее в таком же духе. Когда награды нашли своих героев, праздник продолжился неподалеку, в одном элитном пансионате, где раньше от тяжелой работы на благо страны и народа отдыхали члены ЦК. В пансионате были приготовлены номера, сауна и накрыт уже настоящий, шикарный банкет с участием артистов и звезд первой величины, стриптизерш и специально приглашенных танцовщиц, если вдруг у бойцов, закаленных офисными битвами проснуться иные инстинкты.

Второй раз, с военными жизнь свела Орлов, когда он устраивал военизированный корпоратив для известной иностранной фирмы, которая в Москву пригласила директоров всех своих европейских представительств. Эту пеструю компанию «милитаристов», говорящих на многих языках, после того, как они закончили свои семинары и совещания, Орлов на два дня поселил в дивизию специального назначения. Там они двое суток жили по уставу и распорядку части, с ними занимались опытные инструкторы, прошедшие ни одну, и даже ни две войны. Под конец обучения их обмундировали,

вооружили и на третий день с утра по раньше привезли на броне БТР-ов к разрушенному зданию, которое они должны были взять штурмом и освободить удерживаемых там заложников. На роль заложников Орлов отобрал двадцать самых породистых моделей и манекенщиц Москвы, но для гостей это был сюрприз. Террористами были настоящие спецназовцы, которые по всем правилам окопались и укрепились в здании.

Всё мероприятия Орлов срежиссировал до мелочей. По его команде «иностранный легион» без предупреждения по тревоге подняли ранним утром. Для адреналина и пущей убедительности, в роте где гости ночевали, взорвали два взрывпакета, а четыре офицера встав в углах и задрав стволы калашниковых вверх разредили по несколько рожков холостых патронов. Что там началось: в темноте, в дыму, под грохот очередей, бедные европейцы метались, сбивая друг друга, в панике, не зная что делать. Эффект был настолько неожиданным и сильным, что будущие освободители заложников ни то, что не смогли вовремя одеться, получить оружие и построиться на плацу, а всерьез поверили, что началась война. Когда все же построение на плацу состоялось, Орлов пришел в ужас. У людей на лицах были синяки, на руках, ногах и ребрах ушибы, подавленное настроение и ничем ни скрываемое желание поскорей вернуться домой.

– Вот тебе и НАТО, – еле сдерживая смех, перешептывались спецназовцы, – Может ни стоит штурмовать дом, а то

наши ребята их ещё сильнее помнут, – обратился к Орлову один из старших офицеров.

– Ничего, на войне, как на войне, – в замешательстве ответил Орлов, но быстро собравшись с мыслями, добавил, – Всем кому надо – оказать медицинскую помощь, проверить обмундирование, выдвигаемся через пятнадцать минут, далее все по плану. Только своим по радиии передайте, чтобы действительно, по легче там. А то перекалечим весь европейский директорат, – уже с улыбкой закончил Орлов.

– Есть. Ребята, вы все слышали, выполнять, – скомандовал старший по званию, и спецназовцы засуетились вокруг иностранцев и техники.

Через час возле здания всё было кончено. Участники утреннего «побоища» под руководством инструкторов окружили объект, сняли часовых, чиркнув им фломастерами по горлу, штурманули здание с разных сторон, предварительно забросав террористов взрывпакетами и обложив плотным огнем холостых выстрелов из всех имеющихся стволов. Когда ворвались во внутрь, завязалась рукопашная с помощью всё тех же фломастеров. Естественно, после незначительного сопротивления, террористы были повержены и связаны, а благодарные дамы трепетали.

Далее, всё было по накатанной: дружеский завтрак с участием, опять таки незаменимой, полевой кухни, после пансионат, сауна, банкет, артисты, но на этот раз «героев» всюду сопровождали прекрасные заложницы, которые к банке-

ту одели вечерние платья. В этой игре, лучшие тела Москвы кокетливо вели свою игру. Все они были молоды и хороши собой, и каждая из них не прочь была устроить свою личную жизнь. Орлову, со стороны, все происходящее виделось очень забавным. Освободители так неистово праздновали свою победу, они так сплотились, и так искренне поверили, что они самая лучшая в мире команда, что, на миг, даже Орлову показалось, будто на самом деле нет больше на планете проблем, которые не смогли бы решить эта подвыпившая публика. В общем-то, именно этого эффекта Орлов и добивался. Teambuilding – строительство команды, такую задачу перед ним ставил заказчик и Орлов, её с блеском выполнил, в очередной раз убедившись, что с людьми делает такая широкая палитра переживаний, смачно сдобренная адреналином, как риск, возбуждение, разочарование, отчаянье, неожиданная победа и эйфория в финале. Он был уверен, что разъезжаясь по своим странам и городам, к своим жёнам, счетам, домам, детям, собакам, машинам, эти люди из другого, приглаженного и отутюженного мира, навсегда запомнят эти три дня в России и может быть свою самую главную атаку в жизни, атаку, когда они были стопроцентными мужчинами, где всем руководили рефлексы и инстинкты, а не правила и уклад цивилизации.

И в первый и во второй раз всё прошло на ура. Военные отработали чётко и ни в чём не подвели. Более того, Орлов, зарекомендовав себя так же с лучшей стороны как надежный

партнер, смог решить проблемы, которые в ближайшем будущем ему должна была подкинуть российская армия. Он откосил. Ему сказали кому, сколько и в той же части, где он укатывал и сплачивал иностранцев, ему вручили военный билет, который подтверждал, что он отслужил, и все свои долги родине отдал.

Именно возможность конструктивного сотрудничества с военными и вселяла оптимизм в Орлова. Он понимал, что самое главное, выбрать правильного человека, власти которого будет достаточно, чтобы осуществить поход к Северному полюсу. Задача предстояла архи сложная, но от этого было еще интересней.

Через неделю после разговора в ресторане Орлов пришел к Станицкому и изложил все детали предстоящего проекта. Для его осуществления Орлову пришлось встретиться с Вице-адмиралом Северного флота и слетать, на этот самый Северный флот. Орлов не стал вдаваться в подробности, но сообщил, что подводники оценили свои услуги в четверть миллиона долларов. Видимо с таким выходным пособием участники этой аферы решили уйти на пенсию в обозримом будущем, чтобы потом, где-нибудь в теплых краях в Анапе или Сочи построить дома и тихонько жить у моря, вспоминая былые походы и боевые дежурства.

– Сумму в двести пятьдесят тысяч долларов я оспаривать не стал, и это очень понравилось Вице-адмиралу, – съязвил Орлов, – После этого беседа полилась словно песня, но кон-

кретно, по- военному чётко. Мы разработали легенду – иностранцы попадут на борт в качестве журналистов, снимающих кино о русских моряках – сейчас это модно.

– Согласен, к тому же, буржуев в любом случае вездуд сопровождать фотограф и два оператора, – вставил Станицкий.

– Да, и наверняка на лодке они всюду будут лезть, спрашивать команду о том, о сём, поэтому легенда с журналистами будет выглядеть правдоподобной.

– Это вы удачно придумали, – согласился Станицкий, – Ну, а детали, числа, сроки – это вы обговорили? Чё мне клиентам сказать.

– Детали и даты похода, решили согласовать позже, ближе к делу. Вице-адмирал сказал, что они без проблем под нас подстроятся. То есть, ему нужно знать, когда мы сможем привезти иностранцев к месту стоянки подлодки, а дальше он сам всё организует. Единственное, ему всё нужно сообщить заранее, примерно дней за десять.

– Отлично, – обрадовался Станицкий, – Ну, Диман, ну ты красавец!

– Да я знаю, – спокойно согласился Орлов. Он и сам был в восторге. Наверное, люди в этом бизнесе выполняли и посложней заказы, но ему, новичку, удалось, как он считал, невозможное и это окрыляло. Вот они плоды образования и умение выйти за рамки или рвануть за флажки. Для режиссёра – это очень ценные качества. Да и в обычной жизни при-

годится еще не раз. Уже в походе, как-то ночью, лёжа в своем кубрике, по соседству с клиентами – двумя норвежцами и голландцем, их охранниками, операторами, фотографом и переводчиками, уже засыпая и одновременно осознавая, что он в данный момент движется под огромной толщей воды и возможно льда, и всё это благодаря своей светлой голове, смекалке, смелости, умению рискнуть и заглянуть за шоры, он как-то неожиданно для себя решил, что это отличная точка в работе на Станицкого.

– Дальше я сам, – в полудреме решил Орлов, – Иметь свой бизнес со всеми его геморроями – это детский лепит, по сравнению с организацией похода на военном атомоходе к Северному полюсу с иностранными гражданами на борту. Вернусь в Москву, заберу свою долю и начну свою тему. Интерес к России будет только расти, а уж что-что, а принимать мы умеем, – проваливаясь в сон подумал Орлов и это и был момент, когда он решил изменить свою и без того интересную жизнь к лучшему.

На следующий день было посвящение в подводники. Орлов и гости из Европы по очереди выпили из плафона холодной солёной до горечи морской воды, взятой прямо из-за борта, а еще через сутки состоялся подъём на поверхность. Лодка всплыла, проломив многометровый лед. С помощью подводников иностранцы, опьяненные свежим воздухом, водрузили на куполе четыре флага: Андреевский, Российский, Норвежский и Голландский, затем все вместе сфотографи-

ровались, и, поделившись на две команды, провели международный товарищеский матч по футболу – такова традиция, но победили, естественно, русские.

Орлов вместе со всеми устанавливал флаги, с удовольствием фотографировался, не веря в реальность происходящего, с ребячьим задором играл в футбол за иностранцев и всё это на крыше мира! Нереальность происходящего усиливала субмарина. Слегка обледеневшая черная лодка, с хищными чертами своего внешнего дизайна, восхищающая своей завершенностью и олицетворяя мощь прогресса, обездвиженная, преломляя легкой наледью лучи солнца, стояла посреди идеальной бело-синей дали закованная во льдах, и мощь прогресса было ничто, по сравнению с мощью и гармонией природы.

Дорога назад пролетела быстро, подводники во всём демонстрировали доброжелательность, иностранцы никаких проблем не доставляли, короче, поход удался, и у себя дома Орлов воткнул очередной флажок на карте, и это была самая северная точка из всех его путешествий. Конечно, он не был на Северном полюсе, на подводной лодке его достичь невозможно, но ему было приятно осознавать, что он был неподалеку и как знать, может еще и придется там побывать. Ведь не думал он, что увидит Пирамиды, или побывает в Греции и в Англии, и еще много где, а если учесть, что это всего за каких-то два года, то с такой динамикой, действительно всё возможно.

С того памятного и судьбоносного похода прошло двенадцать лет. Офисы компании Дмитрия Владимировича Орлова были открыты в Москве, Санкт-Петербурге и Иркутске. В штат «Графа Орлова» входило около тридцати человек, но очень богатых и известных клиентов, впрочем, как и клиентов с особо сложными заказами Орлов предпочитал вести лично. Вот и в Ярославль на кануне Нового года пришлось поехать, потому что один из спонсоров и учредителей французской экспедиции под Иркутском по поиску, возможно мифических, обозов с золотом Колчака, отпрыск известной русской фамилии, Фёдор Николаевич Рокотов, попавший в Европу сразу после революции трёхнедельным младенцем, решил, что его правнук должен венчаться в Ярославле, в старейшем православном храме – в Церкви Ильи Пророка, там же, где когда-то клятву перед богом давали его отец с матерью и с достоинством пронесли её через всю нелегкую жизнь, пережив две мировых войны, революцию, тяготы эмиграции, но при этом, вырастили своих троих детей достойными людьми и всю жизнь, не взирая ни на что хранили верность и уважение друг к другу с трепетной нежной любовью. Постоянные беспросветные трудности они близких людей или разобщают до вражды, или наоборот, так сплачивают, что никакая сила и никакие события не смогут их разделить в дальнейшем. Уважение и благодарность за поддержку в лихую годину, у благородных людей становятся выше всего на свете, выше, чем любовь, выше, чем святые узы брака.

Родители Орлова жили плохо. Они работали в одном оркестре и это все усугубляло. Будучи музыкантами, а соответственно людьми творческими и излишне эмоциональными, они жили порывами. Ссорились, разводились, вновь сходились. Обоюднo крутили романы на стороне. Отец, походя, изменял, мать за это мстила, спала с его друзьями. Мать была более талантлива, отец тихо бесился и так же тихо пил. Мать за это топтала, просто уничтожала его мужскую гордость и достоинство:

– Денег заработать не можешь, гвоздь забить не можешь, как музыкант, ты посредственность, полная. Серость! Бездарность, ненавижу!

Отец по своей природе человек спокойный и неконфликтный, её выпадy терпел, пытался уходить от очередной ни к чему не ведущей ссоре, но всякому терпению есть предел. В какой-то момент он не выдерживал и начиналось.

Всё своё детство Орлов только и слышал, что маты отца, крик матери, бой посуды, слёзы, истошные вопли. Мать обвиняла отца, что он загубил ей жизнь. Она была красавица и очень талантливый музыкант. Он был тоже не без божьей искры, но всё как-то не складывалось. Все чего-то не хватало, удачи, везения, фарта, чьей-то помощи в нужный момент. Иногда что-то приходило, но с опозданием, необходимый человек, дельный совет, победы в конкурсах, премии, признание. Всё это появлялось тогда, когда это уже было не нужно.

Сколько себя помнил Орлов, дома всегда было не прибрано, не уютно. Есть вечно нечего. Родители то на гастролях, то на репетициях, то на вечеринках, то ссорятся и потом по нескольку дней не разговаривают. Отец то уходит, то вновь как побитый щенок возвращается. Какое-то время в семье сохранялся мир и все начиналось по новой: крики, маты, битая посуда. Поэтому Орлов для себя с детства решил, когда у него появится семья, в его доме никто кричать и повышать голос не будет. Всегда всё можно решить и договориться. Самое невероятное, что это открытие к Орлову пришло лет в пятнадцать, когда он уже кое-что начал в жизни понимать – всё нужно проговаривать. Есть проблема, нужно её обсудить. Не надо держать в себе, молча обижаться на близкого человека. Всё нужно проговаривать и обсуждать и истина, она может и не родиться в споре или в диалоге, но близкий человек всегда оценит, что ты не обостряешь и не разжигаешь пламя еще больше, а наоборот, пытаешься договориться, сгладить острые углы, устранить разногласия, прояснить непонимание и решить всё миром. Пусть и худой мир, но он лучше хорошей войны. Да и плохой войны тоже, поэтому, когда под Иркутском Орлов узнал некоторые подробности из жизни Рокотовых, он зауважал этих людей, только ни за то, что они были успешны и сказочно богаты, их семья стояла у руля известного ювелирного дома во Франции, а за то, что они были людьми. В таких испытаниях сохранить семью, и не просто продолжить род, а создать целый клан, где ста-

рики живут в уважении, а малыши и женщины в любви. Если бы даже Рокотовы не разбогатели, то семейные устои и ценности всё равно были бы сохранены в недрах рода. Они вели бы скромную жизнь, не имели бы блестящего образования, не путешествовали бы по всему миру, не возглавляли бы многомиллионный бизнес и не занимались бы благотворительностью, но они бы всё равно вели бы очень правильную жизнь, не ропща на трудности и стойко побеждая невзгоды поддерживая друг друга. В этом Орлов был уверен, иначе, зачем бы глава семьи, настаивал, чтобы его правнук уже взрослый молодой человек, расписанный со своей женой по французским законам, непременно венчался в России, в том же храме, где его прадед и прабабка, бежавшие из России и давшие им всем жизнь. Причем, старший из Рокотовых хотел, чтобы правнук не просто венчался, а чтобы непременно, на кануне венчания, девятнадцатого января, в Крещение, окунулся в прорубь, и не где-нибудь, а в том месте, где Которосль впадает в Матушку Волгу, потому что его отец до революции это делал именно там. Вот за этим, чтобы выполнить все причуды богатого старика, Орлову и пришлось ехать накануне нового года в Ярославль и возвращаться в жуткий снегопад.

Орлов в любое время года от Ярославля до Ростова Великого доезжал минут за сорок. Из-за снега, который лежал под колесами и повсюду стоял стеной он в дороге был уже второй час, а до Ростова еще было ехать и ехать.

– Надо позвонить жене, – сам себе сказал Орлов и, убавив музыку, набрал номер.

– Ало, – после нескольких гудков услышал он родной голос и так ему обрадовался. Орлов очень любил свою жену и, не смотря на то, что в их отношениях веяло прохладой, он не принимал это в серьез. Всё наладится, был уверен он. Мы столько вместе хлебнули, через столько прошли. Не Роковые конечно, но пуд соли вмести съели не хилый.

– Привет любимая, это я!

– Ты где?

– Не поверишь, еще даже до Ростова не доехал, – Орлов собирался рассказать о снегопаде, о тяжелой дороге, о том, что он задержится и приедет позже, но жена его перебила:

– Ты, как обычно. Твоим словам вообще нельзя верить.

– Зайка, не злись. Просто движение затруднено и я приеду позже.

– Ты к двенадцати обещал приехать. Время уже десять. Орлов, с тобой вообще какие-нибудь дела можно иметь?

– Полмира имеет и не жалуется, – Орлов чувствовал раздражение жены, но у него была надежда, что всё еще можно перевести в шутку.

– Вот именно. Ты со всеми внимателен и заботлив, кроме меня.

– Ну не начинай, – надежда, что скандал можно избежать, начала таять.

– Ты знаешь, как я провела день?

– Как?– с участием спросил Орлов.

– Я вымыла и прибрала весь дом. Съездила за продуктами, купила ёлку. Как мужик это всё тащила к машине, затем в дом. Все с мужьями это делают. А я одна. Орлов, я везде одна, ну сколько можно?

– Свет, успокойся, – Орлов приготовился к длительным объяснениям, – Ты могла этого всего не делать. Я бы приехал, и завтра, всё спокойно бы купили и тебе не пришлось бы ничего на себе таскать.

– Это вместо благодарности?! Ну, ты и сволочь Орлов. Я на себе всё тащила, чтобы к твоему приезду всё было готово, чтобы завтрашний день дома с мужем провести, а ты мне говоришь, что я всё это зря делала.

– Света, я прошу тебя – успокойся. Я не говорю, что зря. Ты герой, а я плохой муж, но позволь...

– Не позволю, вот именно, ты плохой муж! Нам надо развестись, я больше так не могу, – последние слова Света говорила с горечью, с дрожью в голосе не пытаясь скрыть слёзы.

– Так, хорош. Я в дороге, не нервируй меня. Сейчас ты успокоишься, я перезвоню и мы договорим. Пока. – Орлов отключил телефон, но всё же успел услышать, что Света перешла на крик и с нескрываемым раздражением бросила:

– Не смей бросать трубку, я ещё не всё сказала...

– Всем надо успокоиться, – дал себе установку Орлов и сосредоточился на дороге. Впереди наконец появились огоньки Ростова-Великого.

Со своей бедующей женой Орлов познакомился в ночном клубе. Света Буйницкая приехала с Кубани, поступила в МГУ на экономический факультет и успешно сдала первую сессию. Перед тем, как отправиться на каникулы в родной город к родителям, Света с подружками первый раз в жизни пришла в ночное заведение, чтобы отметить успешно сданные экзамены. По своей натуре Света была очень домашняя спокойная девочка, которая еще в школе шумным компаниям предпочитала книжку или увлекательный вечер на кухне с мамой за приготовлением какого-нибудь оригинального мяса, нового салата или сладкого пирога. Школьные подруги Светы удивлялись, такая красавица, а прячет себя от всех. Светлана Буйницкая была настоящей кубанской казачкой: высокая, статная, белозубая, улыбчивая девушка, с черной косой до пояса, невероятно приятными чертами лица и шикарной грудью, не смотря на тонкую кость, осиную талию и благородство в осанке. Есть такая байка, что кубанские земли в свое время Екатерина вторая раздавала своим гвардейцам, охранявшим двор и её величество, за преданность и безупречную службу. Гвардия вся сплошь была из молодых князей и дворян, отпрысков знатных семей, молодых аристократов. Служба в гвардии, как и в армии в целом – это честь, которую нужно было еще заслужить. Поэтому во времена царей при слове Русский офицер врагов России трясло, потому что все знали, что для Русского офицера честь и долг прежде всего, а жизнь и счастье – это уж как повезет,

поэтому воевали дворяне героически, не щадя себя и не боясь умереть, одним своим присутствием, наводя страх и ужас на врагов своих, словно спартанцы, успех побед которых был в том, что каждый из них был готов умереть именно в этом бою. Так вот, отпрыски знатных родов получали земли, но служить продолжали при дворе, лишь в отпуск наездами посещали свои земли, где отдыхали, охотились, пили, гуляли, да девок местных портили. Так с легкой руки Екатерины второй и завезли на Кубань породу из лучших русских кровей. Возможно поэтому так много красивых мужчин, а особенно женщин на Кубани и во всем Краснодарском крае. Света была ярчайшим подтверждением этой легенды русского юга. Помимо красоты и стати у неё был мягкий приятный голос, глаза источали спокойствие и уверенность, но лишь до того момента, пока её не выведут из равновесия. В гневе она была страшна и криклива, как все казачки. В семье у Светы была еще младшая сестра, Даша, такая же красавица, умница, но в отличие от старшей сестры ей нравились компании, путешествия, поездки, у неё было много друзей, еще больше ухажеров и поклонников. Даша полностью оправдывала свою фамилию. Её с детства в школе все любя называли Буня и когда Орлов со Светой первый раз приехал к Буйницким, чтобы познакомиться с родителями, Даша, немного изучив будущего зятя, безапелляционно заявила:

– Тебе на мне надо было жениться. У меня и грудь побольше, – подмигнула она.

Все конечно посмеялись, но мать Светы, женщина мудрая, призадумалась, а ведь и правда, к Светке ведь подход нужен, хватит ли терпения у парня.

Орлов сложный характер Светланы видел сразу, но успокаивал себя тем, что она просто еще молода, а потому строптива. С возрастом обтешется, успокоится, помудреет и всё будет хорошо. Всё в общем-то и сложилось хорошо, но путь к благополучию был долгим, тяжелым и как выяснилось со временем, благополучие получилось коротким.

Орлов познакомился со Светой буднично. Увидел в ночном клубе очень красивую молоденькую девочку и пригласил её танцевать. Как только он взял её руку и слегка притянул к себе за талию, еще больше ощутив её женственность и красоту, его словно пронзило: «Будет моей женой»!

Это была любовь с первого взгляда. После танца он пригласил её в бар выпить, на свету разглядел еще внимательней её сногшибательную красоту и, не веря в свое счастье, весь остаток ночи провел с ней и её подругами. Под утро он развёз студенток по домам, днём проводил Свету на вокзал и стал с нетерпением ждать, когда закончатся зимние каникулы и девушка вернётся в Москву.

Девушка вернулась, но роман развивался не бурно. Орлов к тому времени был уже хозяином собственной фирмы. Был далеко не бедным, мог к ногам прекрасной казачки бросить любые театры, рестораны, ночные клубы и прочие прелести столицы, которых в Москве в конце девяностых было уже с

избытком. Но Свете всё это было не очень нужно. Она посещала все занятия в университете, серьезно готовилась к семинарам, зачётам и экзаменам, много времени проводила в библиотеке и все изыски московской жизни с таким бывалым провожатым, как Орлов её не могли ни искусить, ни соблазнить. Естественно, Орлову это только нравилось. Она не повелась на его деньги, на его возможности. Не попыталась на него свесить свои проблемы. Она продолжала жить в общепитии, хотя могла переехать к нему или попросить снять ей квартиру, она никогда не просила у него денег, сдержано, с благородством принимала его подарки, на что Орлов всегда удивлялся:

– Ну как так, кольцо с брильянтом, она воспринимает, как что-то обычное, будто она принцесса и любимая дочь короля и этих безделушек у неё сотни!

Врожденное благородство, хотя Орлову и непонятно было, откуда оно у неё. Чувство такта. Домовитость, Орлов понимал, что такую хозяйку как она, он вряд ли когда еще встретит, а для его будущих детей матери лучше не найти и вовсе. Доброта и нежность по отношению к нему, надёжность, которую источал каждый поступок Светы, каждое её действие или суждение, её основательность – никаким походом в театр, никаким ночным клубом и даже полётом на выходные в Европу невозможно было заманить её на свидание, если она решила что-то поучить или чем-то позаниматься. Всё это неминуемо привело к тому, что Орлов сделал ей

предложение.

Ещё учась в «Кульке» Орлов для себя решил, что у него никогда не будет жены актрисы, художницы, поэтессы, балерины или журналистки. Среди подобных он учился пять лет. Творческие натуры они хороши для дружбы, для мимолетных и не очень продолжительных романов, для вдохновения, для влюбленности, но не для жизни. Для жизни не нужны поэтессы, которые пишут гениальные стихи, но при этом спят до пяти вечера, и весь день сидят только на кофе и сигаретах. Сложно построить семью и с актрисой, которая целыми днями и ночами пропадает в театре, на кастингах, на пробах, на репетициях и живет не земной жизнью, а только своей профессией. Или художницей, которая будет утром сиять от счастья, что ночью у неё было видение и она до рассвета писала, зато на вопрос – «А, что у нас на завтрак?», может всерьез обидеться и несколько дней не разговаривать. Для обычной жизни эти дамы были не пригодны. Орлов и сам был во многом таким как они, поэтому еще в юности у него хватило ума понять, что семейная жизнь – это каждодневный труд и в семье хоть кто-то должен твердо стоять на ногах, а не витать в небе.

Свадьбу в начале сентября, теплым осенним днем Орлов закатил с размахом, с лимузинами, с шикарным рестораном, с салютом, с известными артистами. Он так часто это делал для других, что весьма основательно набил руку и из своей свадьбы сделал настоящий праздник. Гостей на торжество

было приглашено двести человек. Немного родственников со стороны Орлова, у Орлова их в принципе было немного, а вот со стороны Светланы родственников было человек пятьдесят. И у Светиноного отца и у матери были очень большие семьи, где было по многу детей. У матери, Аллы Сергеевны, в семье было еще две сестры и два брата. У отца Петра Михайловича Буйницкого тоже было два брата и младшая сестра. У всех у них были дети, а у кого-то уже и внуки. В ресторане, дружному казачьему хору был накрыт целый стол. Ещё за одним столом сидела молодежь, Светины подружки с Кубани, одноклассники из МГУ и друзья Орлова, которые с интересом посматривали на красивых загорелых казачек в потрясающих платьях, скрывавших и подчёркивающих сногсшибательные фигуры девушек. Так же на свадьбу Орлов пригласил партнеров по бизнесу, своих однокашников по «Кульку», пацанов с кем рос в одном дворе, друзей, с кем учился в школе, в общем, от своей свадьбы Орлов получил огромное удовольствие. Это было так удивительно, в одном месте собрать столько близких и родных людей, которые сопровождали тебя с самого детства.

Как и положено, свадьба гуляла до глубокой ночи, затем молодежь двинулась развлекаться дальше. На следующий день все самые близкие родственники и друзья собрались в небольшом ресторане в центре Москвы. На третий день Орлов накрыл стол своему офису, потому как именно московский офис организовал сказку своему босу, а бос,

остался очень доволен и наконец, ранним утром на четвертый день торжеств Орлов с молодой красавицей женой в четыре тридцать утра из Домодедово улетел в свадебное путешествие на сказочный остров в Карибском море с колоритным названием Барбадос. Тогда Антильские острова и Барбадос в частности были в моде у московского бомонда и Орлов, следуя модной тенденции, купил путёвки в «Рай на земле», именно так Барбадос позиционировали все рекламные туристические проспекты, чтобы своими глазами увидеть розовые кораллы, бухты с белым песком, уникальный подводный мир островов Карибского моря и легендарную экзотическую культуру островитян, которая сложилась под воздействием климата, моря, а так же южно-американского и латино-американского влияния. Свадебное путешествие было продолжением сказки, которая началась в Москве. Молодая красавица жена была просто счастлива. Вернувшись домой, Света через пару дней начала учиться, она уже была на третьем курсе, а Орлов погрузился в работу. Теперь у него была семья, денег нужно было больше, да и свою двушку в спальном районе Москвы он планировал в обозримом будущем поменять на что-то подходящее.

Первые шесть лет всё было гладко. Семья жила в мире и в покое, именно так, как и мечтал Орлов. Света закончила университет, поступила в аспирантуру. Бизнес Орлова креп и разрастался, Света во всем помогала. Они часто бывали за границей, много отдыхали и путешествовали. Орлов, как и

планировал, купил большую квартиру и на востоке Московской области в пятидесяти километрах от столицы построил шикарный загородный дом. Света защитилась, стала кандидатом экономических наук. Руководство всеми офисами, а по сути, и всей компании, она взвалила на себя. Орлов её не принуждал, она сама так захотела. Теперь Светлана Орлова была начальником штаба, а Орлов полностью сосредоточился на vip-клиентах. Богатые иностранцы доставляли много хлопот, работы было много, но это не могло не радовать Орлова. Семья и бизнес процветали, а что ещё надо. Мужчина славен тем, что он создал, поэтому Орлов был полностью доволен своей жизнью и даже счастлив. Шесть лет они со Светой очень увлекательно жили, всё время к чему-то стремились, всё время были какие-то вершины к которым они шли: купить новую квартиру, защитить диплом и закончить университет, купить себе новые машины, поднять филиалы своей компании в Питере и в Иркутске, построить дом, посадить сад и разбить лужайку, стать кандидатом экономических наук..., но в какой-то момент завоевания закончились, или просто жизнь впала в стабильное русло и невыносимая легкость бытия стала превращаться в обычную рутину. Они продолжали много работать, старались больше путешествовать, но всё замкнулось в какой-то круг, работа, дом, поездки. Иногда выбирались пожить в загородный дом, но это вносило небольшое разнообразие в жизнь. Всё свелось к тому, что Света закапывалась в делах компании, а Орлов с клиен-

тами стал всё чаще и чаще надолго отлучаться из дома. Начались первые скандалы. В них впервые в полный рост проявился Светин несносный характер. Она была идеальной женой в спокойной жизни и никакой опорой, когда начинались проблемы. Она абсолютно не держала удар. Она быстро заводилась, впадала в раж, совершенно не владела собой и в гневе могла наговорить такие вещи, за которые людям воспитанным долго могло быть стыдно. Она же не испытывала стыда и уж тем более не испытывала чувства вины.

– Я из-за тебя так живу, это тебе должно быть стыдно, – вероломно заявляла она, когда Орлов пытался как-то договориться, обсудить и сгладить конфликт.

– Я пашу, пока ты развлекаешься и катаешь своих буржуев по всей России.

– Света, я работаю...

– Это я работаю. Езжу и стою в очередях в налоговой, оплачиваю все твои счета, слежу за твоими бухгалтерами, тащу на себе все твои офисы, делаю ремонт в квартире, достраиваю дом, матерю, как сапожник, прорабов и их безмозглых рабочих, гоняю машины на сервис, а тебя вечно нет. Я всегда одна. Я всё делаю сама, мне не на кого опереться, а я женщина. Понимаешь, женщина. Я хочу чувствовать опору, быть защищенной, а вместо этого как мужик всё тащу на себе, будто у меня нет мужа. Всё сама, везде одна...

И так каждый раз. Если она заводилась, то ей трудно было что-либо объяснить. Орлов пробовал иначе. Пытался воз-

вращаться к этим разговорам позже, когда она успокаивалась и отходила, но всё заканчивалось ни чем:

– Не начинай. Я знаю всё, что ты мне скажешь, – гасила она все разговоры в зародыше и оставалась при своем мнении.

Орлов понимал, что как только родятся дети, все её жизненные силы и энергия переключиться на них. Но детей не было. Возможно, в этом и был корень всех конфликтов. Рождение детей, должно было стать следующей ступенькой в завоеваниях и продолжением счастливой жизни, но увы. Это завоевание, возможно главное в жизни каждой семьи, так и не осуществлялось и жизнь стала серой и будничной. Орлов как мог поддерживал хилый мир и покой в доме, но мелких скандалов становилось всё больше, они стали перерастать в крупные ссоры, Света всё чаще стала произносить слово развод, а он всё чаще стал надолго отлучаться из дома. Вот и поездка в Ярославль в канун Нового года была совсем ни к стати, но что тут было поделать. Орлов знал, что это неминуемо повлечёт скандал, но собрался и поехал. Нужно было решить вопрос с гостиницей, где гости останутся, причем они хотели жить в небольшом частном отеле, чтобы окна номеров выходили на Волгу, а в гостиной был камин. Ярославль – это не Москва, конечно же там были гостиницы, но чтобы удовлетворить все запросы клиента, нужно было постараться. Так же нужно было договориться со священнослужителями из Церкви Ильи Пророка, нужно было всё подго-

товить к венчанию. Помимо этого Орлову предстояло договориться с МЧСниками, чтобы они прорубили купель в виде креста в том самом месте где Которосль впадает в Волгу, ну и находились вместе со скорой неподалеку, если вдруг что-то пойдет не так. Так же он планировал заключить договор на аренду саней и лошадей, чтобы потом, когда всё закончится, венчание можно было отпраздновать на природе с икрой и водкой, а молодоженов и родственников к месту пикника доставить на русских тройках. Всё задуманное Орлов осуществил с блеском. Все договоренности были достигнуты и необходимые контракты подписаны. Он управился за два дня и планировал поздним вечером тридцатого декабря быть в своём загородном доме. Но подвела погода. Снегопад не унимался и Орлов понял, что домой он в лучшем случае попадет под утро и чтобы минимизировать ожидавший его дома скандал, он решил по телефону постараться максимально его сгладить. Повспоминав некоторые счастливые мгновения своей семейной жизни, он всегда так делал, когда Света делала его жизнь невыносимой, он успокоился и снова набрал жене.

– Свет, это я. Я уже проехал Ростов, – ласково начал Орлов, давая понять, что он звонит мириться.

– Я не хочу с тобой говорить, – отрезала жена.

– Послушай, ты не права. Я выехал, всего на час позже. Планировал в восемь, получилось в начале десятого, – переламывая своё раздражение и демонстрируя чудеса самообла-

дания, продолжал Орлов, словно не заметил выпада с того конца провода.

– Вот именно. Досиделся там до последнего, а я тебя здесь жду, – сдавалась и гнула своё разгневанная жена.

– Свет, здесь снегопад. Движение осложнено. Фуры все стоят на обочине. Я один из немногих кто едет. Поэтому час ничего бы не решил, – всё еще надеясь на благополучный исход оправдывался Орлов.

– Значит, нужно было выехать раньше.

– Свет, раньше были дела. Я раньше не смог.

– Вот именно. Тебе дела важнее меня. Всё Орлов, я не хочу больше говорить, не раздражай меня.

– Слушай, ты вообще берега видишь?! Ты как со мной разговариваешь? – Орлов вдруг завелся сам, – Я итак в тряпку превратился. Светочка, Светочка. Светочка – то, Светочка – это. Живёшь как сыр в масле. Что ты в жизни видела? Ни проблем, ни трудностей, ни горя. Как ты смеешь себя так вести?! Мне надоело быть твоим ручным пуделем, хорош об меня ноги вытирать. Думаешь, мне нравится так жить, думаешь, мне не надоело зависеть от твоих перепадов настроения?! Ты в конце концов моя жена и должна уважать меня. Совсем обнаглела!

– Да, пошел ты!

Света бросила трубку. Орлов тоже бросил трубку на сиденье и с досады ударил кулаком об руль. Мерседес издал резкий короткий сигнал и очень кстати. Дорогу, вальяжно

переходил какой-то подвыпивший селянин и пронзительный звук заставил его ускориться.

– Твою мать, ДТП мне ещё не хватало, – сам себе сказал Орлов и вновь сконцентрировался на дороге. Мощные фары даже на дальнем свете пробивали лишь небольшой участок трассы впереди. Снег заслонял всё вокруг, и поэтому нужно было ехать очень внимательно, так как на Ярославке вдоль дороги стоит множество больших и малых деревень. А с учётом того, что народ уже начал праздновать, пьяные и празднующиеся могли оказаться перед машиной в любой момент. Снегопад, естественно, всё усугублял.

– Вот сучка, надо же, так меня завести, – злился Орлов, чувствуя дрожь в руках.

Его всегда бесило, что Света была в семейной жизни совершенно не политик, не тактик и не стратег. Она обсолютно не понимала, где, когда и что можно. Если у неё было хорошее настроение, она была добра, мила, покорна и беззащитна. Когда Орлов её видел такой, он был готов к её ногам бросить всё. С торжеством на лице, мог выполнить любую её прихоть. Но когда она была раздражена или плохо себя чувствовала, она превращалась в ошпаренную кошку. Она могла из-за какой-нибудь ерунды закатить скандал на дорогу, когда Орлов куда-то собирался или уже стоял в дверях что бы попрощаться. Его мать и отец, которые враждовали ещё и не так, но они никогда себе такого не позволяли, элементарно, хотя бы из-за того, что человек в последние минуты

перед отъездом, должен в спокойной обстановке задуматься и повспоминать, не забыл ли чего. Не говоря уже о том, эту житейскую мудрость Орлову объяснила мать Светы, что людям нельзя устраивать скандал на прощанье, ибо они могут не вернуться, может разбиться самолет, или ещё какое горе случиться и всю оставшуюся жизнь, тот, кто устроил скандал, будет помнить и винить себя за то, что так безобразно вел себя с человеком, которому и так уж не много оставалось.

Или, разве можно, что-то говорить под руку водителю, когда он в дороге? Как-то они все вместе, со Светой, Дашей и Аллой Сергеевной отдыхали в Греции. Орлов взял на прокат машину с откидным верхом и они поехали по окрестностям, посмотреть остатки былой роскоши античной культуры. Возле каких-то руин Света захотела сфотографироваться, а Орлов не остановился. Там был знак запрещающий остановку, и жена пилила Орлова добрых тридцать минут, до тех пор, пока уже тёща не выдержала и не вступилась за зятя.

– Да, уж, вздыхал Орлов, этим Светка не в мать. А жаль? – думал он, постепенно успокаиваясь, – Может она так себя и ведет, потому, что я её не осаживаю, а пытаюсь не замечать конфликты. Может, стоит ей уже указать её место? – промелькнуло у него в голове и он вновь взял в руки телефон:

– Что?

– Ты всё не унимаешься, – еле сдерживая себя спросил Орлов. Дерзкое «что» снова в нём всё всколыхнуло.

– И не надейся, – Света была жестока и всецело чувствовала правоту за собой.

– Слушай, хватит меня злить, я из-за тебя сейчас чуть человека не сбил.

– Это твои проблемы.

Это был предел. Такого неуважения и хамства Орлов уже терпеть не мог.

– Иди ты знаешь куда!? – заорал он и с силой бросил телефон на пассажирское сиденье. Телефон подпрыгнул и улетел вниз на коврик.

– Всё, больше никаких звонков, приеду домой, голову оторву, – заскрипев челюстями подумал Орлов и включил радио погромче.

Орлов не связывал перемены в характере жены с деньгами. Близкие друзья ему не раз говорили, что у неё от денег и успехов голова закружилась. Орлов знал, что это не так. Ученая степень, успехи в бизнесе, ей, конечно, прибавили уверенности, но зачатки её вздорного характера он видел с самого начала, когда они ещё дружили. Просто пока жизнь стремительно развивалась, ей их негде было проявлять, да и Орлов надеялся, что с возрастом люди мудреют, становятся тоньше, так что все капризы и борзый норов обтешутся, сгладятся, родятся дети и всё успокоится, но, к сожалению, мудрость задерживалась, и ничего не сглаживалось. Чем дальше, тем больше Светка становилась невыносимей. Развод, был уверен Орлов – это не вариант. Она будет прекрасной ма-

терью и для моих детей я хочу именно такую мать: успешную, независимую, самодостаточную. Чтобы в глазах моих детей мать имела авторитет, а всё остальное мы исправим. Орлов вообще к семье относился серьезно и более того, если он узнавал, что кто-то из его партнёров или знакомых был в разводе, с этими людьми он дел старался не иметь. Причины развод, считал Орлов, всегда всецело лежат на мужчине. Женщины более домашние, более преданные, более терпеливы, поэтому, если уж женщина является инициатором развода, то значит, какие-то очень серьёзные основания побудили её к этому. И если мужчина не смог удержать семью, то какие с ним дела вообще можно вести. Света о разводе говорить начала примерно с год назад, но последнее время, она начала это делать особенно часто и как на зло, именно в этот момент у Орлова появилось много работы и много поездок. Не зря говорят, если карьера начинает стремительно развиваться, то жди, что твоя личная жизнь вот-вот пойдет по швам. Орлов планировал в новогодние праздники провести с женой побольше времени, попытаться объяснить, договориться, может что-то поменять, его тоже не устраивала такая жизнь, постоянные скандалы...а тут такое. Света и раньше умудрялась его вывести из себя по телефону находясь за сотни и даже за тысячи километров, но на крик он не переходил никогда.

– Видимо, развязка уже близка, – совершенно спокойно подвёл итог своим размышлениям Орлов, – Как будет, так

будет. Семья – это двое и сил одного никогда не хватит, чтобы удержать семью на плаву.

Появился указатель – два километра до Переславля-Залесского.

– А вот это уже кое-что, – обрадовался Орлов.

От Переславля до дома оставалось сто пятьдесят километров. Причем из них сто, по хорошей широкой дороге, которая начиналась сразу от границы Московской области. Трасса проходящая по Ярославской и Владимирской областям, была не чищенная и у Орлова была маленькая надежда, что когда он въедет в Московскую губернию, дорога будет лучше, но увы. Страна начала праздновать и дорога везде была заснежена и лишь чёрная колея выбитая фурами и была дорогой, по которой можно было ехать шестьдесят, а местами даже восемьдесят километров в час.

Монотонность дороги, приглушенный гул мотора, у мерседеса очень хорошая шумоизоляция, тёплый салон, легкая музыка на радио «Культура», вновь вернули Орлова к размышлениям. На этот раз он был настроен решительно:

– Всё, хватит. Я так больше жить не хочу. Хватит скандалов, хватит нервотрёпок. Если ей надоел бизнес и слишком активная жизнь, пусть всё бросает и идёт преподавать. Она давно этого хотела. Пусть за копейки, но зато работа ей будет приносить удовольствие. Это, во-первых. Во-вторых, если мы договоримся, то я готов больше времени проводить дома, единственное, нужно будет найти пару толковых помощни-

ков, которые будут вести *vir*-ов. Я засяду в офисе в Москве и будем вести жизнь, как спокойные обыватели. Далее, – Орлов чуть сбросил скорость, впереди он увидел несколько стоящих на обочине фур с аварийными сигналами. Он их аккуратно объехал.

– Далее, – Орлов продолжил свою мысль, – Я с ней серьёзно поговорю на предмет наших отношений. Если так пойдет и дальше, то я один не вытяну нас из этого штопора. Мне уже всё это порядком надоело. Я просто от всего этого устал. Если она по-прежнему продолжит всё рушить, то, как ни прискорбно, придется расстаться. Отдам ей половину бизнеса и квартиру, а себе оставлю дом. Стану опять много летать, много работать, наконец-то открою свой офис на Алтае, короче, надо что-то решать. Если в товарищах согласия нет, то это путь в никуда...

К часу ночи Орлов добрался до поворота на Ногинск и свернул с Ярославского шоссе. Теперь по бетонке, точнее по бетонному транспортному кольцу, которое опоясывало всю Московскую область ему предстояло преодолеть последние пятьдесят километров. В пути ему оставалось провести максимум часа полтора. Бетонка – хорошая асфальтовая дорога с односторонним движением в каждую сторону, шла сквозь красивый лес, одетый, как и всё вокруг в белые пушистые наряды. Безмятежность леса, мощь его белых лесных великанов и плавный полет снежинок завораживали. Орлов даже притормозил, чтобы насладиться этими прекрасными мгно-

вениями созерцания природы. Всё как-то сразу стало не важно, ссора с женой, гонка по скользкой заснеженной дороге, предстоящие праздники. Всё это суета и прах, а подлинное величие вечно.

Созерцание было не долгим. Он быстро очнулся, нужно было спешить. Так как машин по бетонке двигалось значительно меньше, чем по Ярославке, снега на дороге было на много больше и колеса постоянно проскальзывали в снежной каше и, не смотря на то, что мерседес Орлова очень надежно держал дорогу в белоснежной слегка накатанной колее, машину время от времени подергивало и слегка заносило.

Орлов двигался по бетонке в гордом одиночестве, ни встречных, ни попутных машин. Видимо в столь поздний час все уже были по домам, в кругу семьи, мирно спали и готовились к праздникам.

– Все уже давно дома, а я всё еду, – подумал Орлов и слегка придавил педаль газа. Машина побежала быстрее, но в какой-то момент колёса потеряли снежную колею, мерседес потащило вправо, Орлов несколько раз попытался вырулить из заноса, автомобиль вдруг начало кидать из стороны в сторону, машина стала совсем неуправляемой и через мгновение морда мерседеса оказалась в глубоком кювете, снося сугробы и подняв целое облако снежной пыли. Орлов пытался качками тормоза погасить скорость, но развернутый поперек дороги мерседес методично несло на деревья расту-

щие на обочине. Орлову казалось, что всё происходит очень медленно, как в кошмарном сне. Машина, продолжала сваливаться с дороги и, уже полностью находясь в кювете, сев на брюхо, боком ползла на деревья и с этим ничего невозможно было поделать.

– Господи! – непроизвольно вырвалось у Орлова. Словно в беспамятстве он продолжал рефлекторно качками нажимать на педаль тормоза, хотя это уже было и бессмысленно. Считая всё на своём пути машина приближалась к деревьям, толщены которых было достаточно, чтобы мерседес их обнял и разбился вдребезги.

– Только бы не перевернулась на крышу, – успел подумать Орлов и машина вдруг остановилась как вкопанная, завязнув в снегу, в двух метрах от заснеженных великанов.

Орлов лежал на левом боку прямо на стекле водительской двери. Ремень безопасности плотно держал его в кресле. За стеклом был утрамбованный снег.

– Наверное помял крылья, двери и сломал зеркало, – как-то очень спокойно подумал он. Затем он посмотрел в противоположную сторону. Сверху на пассажирскую дверь сыпал снег и отчетливо были видны луна, свинцовые снежные облака и точки звёзд.

– Какая красота, – сказал вслух Орлов и как-то вмиг осознал, весь ужас своего положения. Ночь, он на безлюдной трассе, один, в перевёрнутой машине.

Сначала бросило в жар, потом пробила дрожь, а потом он

как-то сразу успокоился.

– Видима, я тут надолго... Надо тепло одеться и найти телефон, – он отчетливо помнил, как после последнего разговора с женой бросил его на сиденье и навороченный аппарат спружинив, улетел на пол. Он отстегнул ремень безопасности, выключил радио, нашел телефон, оделся и вылез через пассажирскую дверь. Увязая по колено в снегу он выбрался на дорогу. Из кювета торчали только задние фары стопсигналов. Вдоль дороги был виден широкий след утрамбованного снега приглаженный машиной.

Орлов посмотрел в обе стороны дороги.

– Ни души, – констатировал он и стал судорожно думать, что же теперь делать. Для начала, он мысленно отругал себя за то, что уже давно ездит на хороших машинах, которые его на столько разбаловали своей надёжностью, что он с роду не возил с собой ни ключей, ни насоса, ни троса, ни топора, ни лопаты.

– Вот у бати в жигулях было всё. А я как раздолбай, – ругал себя Орлов, понимая, что даже, если кто-то и проедет мимо, то вероятность, что у него будет в машине трос, минимальна.

– От Ярославки, я вроде отъехал недалеко. Может сходить и остановить какую-нибудь фуру, – рассуждал Орлов, – Так опять же, все стоят, никто ни едет из-за этого снегопада.

Он посмотрел на часы. Время было половина второго.

Орлов начал думать, кому можно позвонить, кто может

приехать, привезти трос или хотя бы телефоны ближайшего эвакуатора подсказать.

– Ладно, надо начинать звонить, а то здесь и всю ночь можно проторчать, – решил Орлов и полез к машине, чтобы включить аварийные сигналы. Из-за неунимающегося снегопада видимость была плохая и его могли запросто не заметить проезжавшие мимо машины, а так, глядишь, кто и остановиться.

Ждать долго не пришлось. Орлов еще не успел придумать с кого из друзей начать обзвон, как в далике показались фары. Это был джип.

– Фарт, – подумал Орлов, когда машина остановилась.

– Все живы? – спросил молодой парень оглядывая Орлова, утрамбованный широкий след вдоль обочины и лежащую в кювете на боку машину.

– Да, я один был, – успокоил Орлов, – У тебя верёвка есть?

– Есть, но я тебя не вытащу, у тебя машина тяжёлая, да и зарылся ты глубоко. Я там грузовичок обгонял, может он гружёный, я думаю, он сможет тебя выдернуть. Он вот-вот появится, – сказал парень и, включив аварийку припарковался на обочине. Затем он вышел и закурил:

– Напугался?

– Напугался.

– Летел быстро?

– Да нет, на снег наехал. А мерс же задниприводный, вот и унесло.

– Главное, что жив. Если бы в деревья влетел, то раскололся бы так, что не собрали бы.

– Это точно, – сказал Орлов, в очередной раз оглядывая деревья возле которых как сбитый самолет лежал мерседес.

Из-за поворота появились фары. Остановилась еще одна машина. Вышли два парня:

– Помощь нужна?

– Если не трудно, ребят, давайте машину перевернем, – попросил Орлов.

Все спустились вниз и довольно быстро опрокинули мерседес на колеса.

– Ну, надо же, – удивился хозяин джипа, – Столько на боку летел и ни царапины. Даже зеркало целое.

– В рубашке родился, – сказал кто-то из двоих ребят.

– Да нет, повезло, что снега много. Иначе бы разбился.

– Спасибо мужики...

– Да перестань, в такой ситуации любой может оказаться. Сейчас тебя вытащим, да поедем дальше.

Пока все копошились у машины, подъехал и остановился грузовик.

– Ты гружёный? – спросил Орлов.

– Грузеный, грузеный. Трос есть? – без лишних слов спросил водитель, дядька видимо бывалый.

– Есть, сейчас зацепим, – выбираясь из снега сказал молодой хозяин джипа и побежал за тросом.

Мерседес Орлова вытащили за несколько минут. Мужики

похлопали его по плечу, пожелали счастливого пути, все поздравили друг друга с Новым годом и разъехались, каждый своей дорогой.

Орлов ехать не спешил. Ещё раз осмотрел машину.

– Невероятно! Ни царапинки! – страх и паника его отпустили, и им на смену пришла эйфория, – Может правильно живу, поэтому Бог и милостив!?

Поморщившись, Орлов напоследок еще раз посмотрел на утрамбованный след, на деревья, к счастью до которых он не долетел, и очень аккуратно тронулся.

Неожиданно зазвонил телефон. Это была Света.

– Ты где? – как-то очень по доброму спросила она.

– Свет, я уже скоро буду. Ложись пожалуйста спать.

– У тебя всё нормально?

– А почему ты спрашиваешь?

– Я спала и вдруг сердце как кольнуло, я аж подскочила, так испугалась, что что-то с тобой случилось.

Орлов улыбнулся.

– Значит не всё так безнадежно, – подумал он и сказал, – Свет, не должны муж с женой так разговаривать, как мы это делаем. Нужно любить и беречь друг друга. В жизни всё так зыбко... Я дома буду через час, ложись, утром всё тебе расскажу. Со мной всё нормально. Спи.

– Хорошо, – как маленькая девочка сказала Света и отключила телефон.

События последнего полчаса заставили очень о многом

задуматься Орлова. Он понимал, что случилось чудо. И он и машина чудом не пострадали. Чудо, что глубокой ночью, в канун Нового года на дороге оказались люди, что нашелся трос и его так быстро вытащили. Чудо, что он всего несколько метров не долетел до деревьев. Чудо, что выпало столько снега, и снег так сгладил удар. Конечно же, если бы ни этот снег, то он бы вообще не улетел в кювет, но как знать, могло произойти что-то другое, и вот так живешь, строишь какие-то планы, к здоровью и к возможности жить относишься как к должному, а всё может оборваться в любой момент. Это было главное, что вынес Орлов из всей этой ситуации. Судьба, Бог или что-то еще дали возможность ему кое-что понять.

Орлова словно осенило, словно наступило прозрение:
– Жить нужно так, словно каждый день последний!

Конечно, он и раньше об этом читал и слышал, но именно сейчас он понял всю глубину этих слов. Каждый миг жизни надо жить достойно. Всегда нужно быть спелым яблоком, чтобы если тебя и сорвало с ветки, то сорвало спелым, без долгов, без недоделанных дел, всё нужно стремиться завершать, потому что кто знает, когда всё для тебя закончится.

Утром, когда Орлов встал, первое, что он сделал, это приготовил завтрак и принес его жене в постель. Она столько раз просила его об этом, а он всё куда-то спешил. Всю их семейную жизнь, каждое утро он куда-то спешил. Вообще на счёт Светы он во многих моментах заблуждался. Он же-

нился на прекрасной женщине и успокоился. Поставил галочку и забыл. Только близость смерти или осознание зыбкости и хрупкости всего, что тебя окружает, заставили его по-иному посмотреть на жену. Все эти годы она была ему верным другом, опорой, соратником, боевым товарищем и самым надёжным человеком на земле, так неужели она не заслужила простого женского счастья и внимания. Чутьочку внимания. Только сейчас Орлов понял, как он был не прав на долго оставляя жену и относясь к ней как к равной. Она хрупкая, ранимая, славная. Её нужно беречь и сделать всё, чтобы она была счастлива, ведь именно об этом он говорил её отцу, когда просил её руки.

После завтрака, Орлов пошел и собственноручно откидал снег от крыльца и от гаража. Обычно он нанимал какого-нибудь из местных алкашей, но сегодня он это сделал сам, потому, что он уже несколько лет говорил о том, что ему не хватает физической нагрузки и ничего для этого не предпринимал.

Затем, он поздравил всех своих друзей и близких с Новым годом, кого по телефону, кого по интернету. Позвонил своему старому школьному другу, которому собирался позвонить уже несколько месяцев. Долго разговаривал с родителями и своими и Светиными. Поздравил любимую школьную учительницу и двух преподавателей «Кулька» с которыми водил дружбу и иногда заезжал в институт, чтобы посоветоваться или проконсультироваться по бизнесу. Некото-

рые иностранцы ехали в Россию не только за экзотикой, но и за нашей богатой культурой. Поздравления и общение с родственниками, друзьями детства, школьными товарищами, партнерами по бизнесу и просто приятелями, принесло Орлову невероятное удовольствие. У всех было праздничное настроение, все готовились к Новому году, все без исключения источали добро и радость и этим утром, Орлов сделал ещё одно открытие:

– Мир всегда одинаков. Важно, что в нём хочешь увидеть и услышать именно ты!

Новогодний подарок своей жене Орлов привёз из Ярославля. В ювелирном магазине, совершенно случайно он увидел серёжки с бриллиантами, которые его как-то попросила купить Светлана. Он тогда отшутился:

– Роди мне сына, тогда и подарю.

Орлов как сейчас помнил, что та безобидная шутка очень сильно задела жену. Тема детей у них все не поднималась и, памятуя об этом, Орлов с удовольствием купил ей серьги и решил не ждать вечера, а взял и подарил, когда вышел из своего кабинета закончив с поздравлениями.

– Ты их запомнил? Как приятно, – сказала жена и нежно поцеловала его. Орлову хотелось петь от счастья и осчастливить весь мир.

– А, ты что так сияешь-то с самого утра? – поинтересовалась Светлана.

– А у меня сегодня день рождения, – уклончиво ответил

Орлов.

– То есть?

– Устраивайся поудобней, повествование будет долгим, – начал Орлов и очень подробно рассказал весь свой путь домой из Ярославля, с подробным описанием снегопада, с телефонными ссорами, как улетел в кювет в безобидной ситуации, как его выручили люди:

– Представляешь, я даже не ожидал, что еще осталось столько хороших людей. Все кто ехал, все остановились!

Затем Орлов поделился всеми невероятными мыслями и идеями, на которые его натолкнули ночные события.

– Ты знаешь, – в конце своего рассказа поведал Орлов, – Я думаю что все чудеса произошли из-за того, что... Помнишь, я тебе как-то рассказывал, как несколько лет назад я ехал с целым автобусом пьяных датчан из Суздаля, это было весной, и на наших глазах жигулёнок занесло и он вылетев с трассы, перевернулся и на крыше уехал в поле метров на двадцать. Иностранцы это всё молча проводили взглядом, они даже не поняли, что произошло, а я водителю говорю, стой, организовал бухих датчан, мы по колено в снегу перевернули машину, вытащили парня. Он очень головой ударился, вызвали скорую, дождались ментов, врачей и поехали дальше. Так вот, – Орлов сделал паузу, – Мне кажется, в мире есть высшая справедливость. В тех обстоятельствах я поступил правильно и вчера ночью добро ко мне вернулось.

Светлана улыбнулась:

– Я когда утром твою сумку разбирала, я в ней нашла икону. Это она тебя спасла.

Орлов опешил.

– Точно, я совсем забыл про неё. Это мне в Церкви Ильи Пророка батюшка подарил. Это икона Дмитрия Солунского, Святого Дмитрия, моего святого.

– Я знаю, я прочитала.

– Слушай, тебе куда не надо?

– А что?

– Да я в автомагазин съездить хочу. Надо купить трос, торпедорез, ключи, лопату, ну и так по мелочи, а то вчера, стыдно сказать, как пацан сопливый попал. На такой тачке, а с собой даже отвертки нет.

– Обязательно это делать сегодня?

– Да Светочка. Именно сегодня. Больше я на потом ничего откладывать не буду.

2010

Сашка

После нищей, но прекрасной университетской юности, и года, проведенного в армии, жизнь моя начала налаживаться. Я уже был подающим надежды журналистом и стал неплохо зарабатывать. Друзья мои к тому времени выросли в акул бизнеса, и в общем-то, главной нашей головной бо-

лю было то, как провести получше время. Мы были завсегдатаями клубов, бильярдных, ресторанов, пляжей, ездили на дорогих машинах, в окружении красавиц посещали все модные тусовки, короче, друзья мои прожигали жизнь, а я наверстывал все упущенное в армии, и на тот момент мне это казалось правильным. Одной летней душной ночью зазвонил телефон. Дело было в ночь с первого на второе августа. Звонил мой товарищ Антон. Он только что вернулся из Сочи и после месячного отсутствия взгрустнул по нашей жизни. Через полчаса он за мной заехал, и на его новеньком «мэрсе» мы понеслись по ночному проспекту. Антон рассказывал про Сочи, я – про наши городские события и сплетни. После посещения пары клубов и дискотеки ночного пляжа уже под утро решили заехать в бильярдную, которую держал наш третий товарищ. Бильярдная была пустой, Славы, как выяснилось, в ней тоже не было. Маркер Сашка в одиночестве гонял шары на русском бильярде. По привычке я зашел и крикнул:

– Сашка, ставь!

Весь год с момента открытия бильярдной я заходил и с порога кричал одну и ту же фразу, и Сашка, где бы ни находился и чем бы ни занимался, бросал все, подбегал, здоровался, улыбался и ставил нам пирамиду на нашем столе. Быть другом босса – это круто. В этот раз все было так же, как всегда. Сашка бросил свои шары, подбежал и улыбнулся.

– С приездом, – сказал он Антону и протянул руку мне.

На голове у Сашки по-спецназовски, то есть налево, был надет голубой десантный берет, а на его дешевенькой белой футболке я увидел орден Мужества. Сашке от силы было года двадцать два, и получить боевой орден он мог только за Чечню. Тут я вспомнил, что второе августа – День воздушно-десантных войск, и видимо, поэтому Сашка был в берете и при параде. Так уж случилось, что о спецназе я знаю не понаслышке.

– С праздником, братишка! – сказал я и обнял Сашку.

– Спасибо.

– Ты когда воевал?

– В первую, в девяносто пятом.

– А где служил?

– В Бердске, в спецназе ВДВ.

– Красавчик. Кто бы мог подумать, что ты у нас такой герой!

Сашка молча улыбнулся. У него была очень красивая улыбка и грустные глаза, только раньше я этого не замечал. Нам в армии всегда в пример ставили ВДВэшный спецназ. Командир батальона у меня был бывший десантник. Если у нас что-то не получалось или мы плохо стреляли, или ночью, замученные «дедами», на зарядке утром слабо бежали, он всегда орал, что в ВДВ мы бы не протянули и месяца, а когда он был сильно огорчен, то, матерясь в полголоса, говорил: «Не дай Бог с вашим стадом попасть на войну!». Крутой у нас был комбат.

Все это я вспомнил, глядя Сашке в глаза, с виду обычному пареньку небольшого роста с красивой улыбкой, который выжил в спецназе и героем пришел с войны...

– Пойдем, Сашка, выпьем за тебя, мы угощаем. На таких мужиках, как ты, вся Россия и держится, – сказал я, а сам подумал: ну как же это может быть, человек, который воевал, получил орден Мужества в двадцать с небольшим, вынужден «шестерить» в бильярдной и исполнять прихоти сытого быдла, которое кичится своими дешевыми бабками. «Сашка, ставь» больше я никогда с порога не кричал. В ту ночь вообще барских замашек у меня поубавилось.

Сколько же вас еще, достойных сынов Отечества, тихонько живет в нашей огромной безумной России, славной во все времена подвигами своих героев?

2000

Очки

Я шел с работы. Было уже темно, хотя в это время в январе день уже начинает прибавлять. Почти возле самого дома я увидел человека, стоящего на коленях на грязном утоптанном снегу тротуара и тщетно пытающегося встать. Все его попытки были настолько жалкими, что я не мог пройти мимо и не поинтересоваться, все ли у него нормально, мало ли, может больной, может плохо стало, все же бывает. Подхожу

ближе и вижу: в затасканной телогрейке, в испачканных в известке кирзовых сапогах, в солдатской побитой цигейковой шапке в дуплину пьяный мелкий мужичок пытается встать. В метре от него разбросаны его рукавицы, сшитые из такого же грязно-серо-зеленого материала, что и телогрейка.

– Эй? С тобой все в порядке?! – на всякий случай брезгливо поинтересовался я.

Мужичок, не торопясь, поднял на меня свои пьяные, но осмысленные, грустные глаза и почти извиняясь попросил:

– Мужик, помоги, пожалуйста, очки найти. Я тут где-то упал, – сказал он, абстрактно разводя руками.

В свои двадцать три на «мужика» я еще не тянул, все же уточнив у него, где он именно упал, начал искать. Но напрасно. Было очень темно. На счастье, а точнее, на беду, мимо ехали знакомые пацаны на джипе. Увидели меня, притормозили.

– Потерял что-то?

– Да нет, вон мужик «синий» очки уронил. Подъедь, фарами посвети.

Свет у «Крузака», как прожекторы у космического корабля. Старомодные сломанные и перемотанные изолентой очки нашлись тут же. Пацаны погасили фары, но не уехали, так как давно не виделись и раз уж встретились, то хоть пять минут, но надо поговорить.

– На, вот твои очки.

Тот улыбнулся, но получилось это у него как-то грустно.

– Спасибо, землячок.

– Да ладно, – говорю я. – Жизнь долгая, в следующий раз ты мне поможешь.

– Помогу, конечно, помогу... – воодушевленно, но по-прежнему грустно, видимо, реально ощущая свое бессилие, сказал он мне. Хотя лучше бы он ничего не говорил. В груди моей все поднялось и сжалось. Сколько вас таких спившихся и пьющих от безнадёги, хронического безденежья и безысходности российских работяг. Ничего не изменилось в России. Как при царе пили мужики, одурманивая себя паленой водкой, так и при вождях и президентах пьют ее горькую, находя лишь в ней спасение. А на дворе третье тысячелетие. Посмотрел я на этого мужичка еще раз, и обидно мне стало: за него, за его детей, которые у него наверняка есть и которым он уже давным-давно ничего не может дать. Потому и пьёт. Потому и глаза у него грустные.

– Ладно, давай тебя подниму, – сказал я и, собрав его рукавицы, за плечи мощным рывком поставил на ноги.

– ... Слышь, зём, спасибо... Еще встретимся, – покачиваясь, сказал он мне в спину, потому что я уже пошел к машине. Напоследок я еще раз обернулся, чтобы глянуть, как он пойдет. Судя по тому, как он вставал, идти он должен был весьма неуверенно. Сделав первый шаг, он остановился. Качнулся и со всего маху, как был в полный рост, грохнулся на спину, сильно ударившись о мерзлый асфальт затылком. Его голова издала такой звук, что я вмиг понял, как на жи-

водернях забивают собак, раскалывая им черепа железными прутами.

Из машины раздался дружный хохот. Со стороны это должно было выглядеть очень смешно. Но только со стороны. В машине пацаны не могли слышать этого ужасного звука, а я слышал, и поэтому мне было совсем не до смеха. Я подбежал к беспомощно лежащему на асфальте телу. Признаком жизни мужичок не подавал. Я потормошил его ногой. Через несколько секунд он открыл глаза. Значит, жив, подумал я и побежал звонить. Ближайший телефон был рядом, в магазине. Сотовые тогда еще были редкость. С трудом объяснил я ситуацию продавцам, но телефон они мне дали. Я только не мог решить, куда звонить: в милицию или в скорую?

Мои сомнения развеяла заведующая, баба, видимо, тертая:

– Он пьяный?

– Да просто в дугу.

– Ну тогда какие менты? Ты че? Ты же сам мужик! – улыбаясь, сказала она мне, и я покорно вызвал скорую, а про себя подумал: «Ну, надо ж было мне лезть к этому мужику, искать его очки, ну шел бы да шел. Доковылял бы он как-нибудь домой, нет, надо было лезть. Теперь лежит он с хрен знает каким сотрясением, и все с моей легкой руки». С этими мыслями я вышел из магазина. Каково же было мое удивление, когда на том месте, где должно было лежать безды-

ханное тело, я увидел мужичка в окружении очередных прохожих, уже стоявшего на ногах, в своих очках, в которых он смахивал на спившегося интеллигента, в своих рукавицах и робко отряхивающего со спины снег. Вот уже воистину пьяному море по колено. С облегчением я сел в машину, и мы поехали подальше от этого места, точнее, в сторону моего дома. Только вот для себя я так и не решил, правильно ли я сделал или нет, что полез к нему со своей добротой, не успокоило и то, что под общий разговор в машине я вспомнил известное изречение: «Дорога в ад вымощена благими намерениями». Так что ж, теперь вообще никому не делать добра?

1999

Охота

Степкин отец был известен как спортсмен, рыбак, охотник, турист, заядлый автолюбитель и одновременно пьяница и бабник. С последними двумя характеристиками были связаны не столько алкоголизм и распутство, сколько нелепые, смешные, на грани правды, истории. В целом Семенов-старший слыл хорошим инженером и добряком, и весь двор считал, что Степке повезло. Иметь такого отца – для пацана это просто счастье. От родителя Семенов-младший унаследовал факультет механики политехнического института и свойство

попадать во всякие истории. Больше у Степки с отцом общих эпизодов в биографии не предвиделось. Особенно Семенов-старший горевал оттого, что сыну не смог внушить любовь к природе, спорту и охоте. Все усугублялось еще тем, что с детства Степка до глубокой ночи зачитывался книжками, с отличием и красным дипломом закончил музыкальную школу, а на предмет охоты безапелляционно говорил отцу: «Ну что мне сделали эти птички и зайчики? Пусть они живут и летают». После подобных заявлений Семенов старший сокрушался: «Степка!? Ну как ты жить – то дальше собрался!?!». Но нужно отдать должное терпеливому родителю, что сокрушался он без истерик. Хоть Степка и косил под ботаника, парень он был что надо, и Семенов предполагал, что то, как живет и какие задачи перед собой ставит сын, – это тоже вариант. Он не давил, но все же считал, что походы за грибами, охота и рыбалка не помешали бы. Мать Степки на все эти идеологические стычки своих мужиков смотрела философски, дескать время рассудит – кто прав. И время рассудило. Однажды вечером сын пришел домой и с порога поверг всю семью в изумление.

– Я еду на охоту, – стесняясь своей решительности, выпалил Степка.

– А я думала, чем омрачится столь прекрасный день?..

Семенов-старший посмотрел на жену и не без гордости спросил: – Степан, ты не заболел ли?

Степка вкратце поведал, что с первым снегом с двумя од-

ногруппниками и «еще одним пацаном» они на поезде поедут в настоящую тайгу на зайцев.

– Там даже лоси водятся! – триумфально завершил он, решив пока опустить дальнейшие детали и подробности, так как восхищенный глава семьи мог повести себя неадекватно.

И действительно. Психическое состояние Семенова-старшего могло резко ухудшиться в любую секунду. Степкин отец сиял как медный таз и путался в мыслях, думая, с чего начать. Этого момента он ждал всю жизнь:

– Сынок, патронов возьми с дымным порохом, дробь пусть будет двойка, тройка и на всякий случай картечь... Хотя нет, картечь не нужна. Тебе нужен белый маскхалат, хорошие сапоги – болота в тайге еще не промерзнут, потом возьми побольше носков, обязательно спички, компас, нож... бутылку водки я тебе дам... Так, что еще? Тебе срочно надо сделать охотничий билет и переоформить мое старенькое ружье. Затем, подобрать теплые вещи, можно еще взять валенки и на всякий случай несколько патронов с пулями...

– Пап. Ты меня, что, на войну собираешь? – перебил Степка взволнованного родителя. Семенов-старший прервался, но подумав сказал: – Ладно, ты прав. Не все сразу. Я тебе расскажу и покажу все по порядку. Время еще есть. Жаль, что ты раньше со мной не ездил...

* * *

Следующий месяц был посвящен систематическим сбо-

рам, инструкциям, и даже однажды Семеновы ездили за город. Степка учился стрелять из ружья. Преимущественно по бутылкам, которые самоотверженно подкидывал отец. На втором десятке патронов он начал в них попадать, и Семенов-старший не без гордости резюмировал:

– Моя кровь. Гены – великая вещь!

К поезду Семенов Степку отвез лично. Несмотря на все преграды, в пятницу ему удалось пораньше убежать с работы и вовремя подъехать к вокзалу.

– У меня, сынок, охотничье приключения начинались уже на стадии вокзала, – пошутил Семенов старший, вытаскивая ружья и рюкзак из машины.

«У меня тоже», – подумал Степка, вспомнив, что дома оставил сумку с патронами, документами на ружье и деньги. Благо билеты покупал не он. «Съездил на охоту», – обреченно подумал он, но решил не портить торжественности момента и, взяв после теплого прощания с отцом вещи, поплелся к перрону.

* * *

После нескольких бутылок водки и третьего часа пути, под стук колес и гомон друзей, Степка расслабился и решил, что если ружье без документов заберут, то так тому и быть. Значит, охота не для него, и прав он был, что не рвался в охотники и рыболовы. Об отце старался не думать. Конечно, он ужаснется, когда дома увидит сумку, но, может, не ста-

нет ее разбирать и не узнает, что Степка уехал без лицензии, разрешения на оружие и охотничьего билета. Так думал Семенов-младший, захмелев и засыпая под стук колес.

* * *

После пересадки на электричку Степка с друзьями добрался до деревни своего одноклассника. К Антону приехали поздно ночью, поели и легли спать. Выпивать больше не стали.

– Вам завтра в лес, так что нечего, – сказал Антонов дед и отправил молодежь спать.

* * *

Утром встали все бодрые и возбужденные. Быстро поели и приступили к сборам. Через полчаса Антонов дед многозначительно осмотрел всех «охотников», ужаснулся, но в лес отпустил.

– Не перестреляйте там друг друга. Будьте предельно внимательны. На охоте должна быть во всем рациональная крестьянская простота. В лес зайдете, не полите там, а то все звери разбегутся, – были его последние слова, но внук, Степка и два Андрея их уже не слышали. Поскрипывая утренним снегом, они побежали в тайгу.

Степка был коренной сибиряк и всю жизнь прожил в Сибири, но в тайге ни разу не был. Когда только зашли в лес, Семенов-младший понял, что это морозное утро он запомнит на всю жизнь. Такой красоты он не видел никогда...

* * *

Через четыре часа безрезультатных поисков зайцев измотанный и уставший Степка взмолился повернуть домой. Антон, выросший в деревне и знавший лес как свои пять пальцев, предложил пройти еще пару километров и затем, сделав небольшую петлю, вернуться.

– Я к деду без зайцев не пойду, – обрубил он, и они двинулись дальше.

Следующие два километра, как и предыдущие четыре часа, они видели море заячьих следов, но ни одного зайца.

– О! Степка, смотри, лосинные следы еще свежие. Недавно здесь был сохатый, снег только утром выпал. Надо будет деду рассказать, где следы видели, – сказал Антон, взглядом окидывая местность. Степка с интересом поразглядывал огромные следы и в шутку сказал:

– У меня, кстати, в сумке патроны с пулями были.

– Да не, Степ. Мы бы сохатого не взяли. У лосей плохое зрение, но очень хороший слух, а так, как вы по тайге идете, сохатый услышал бы за несколько километров. Если бы с нами дед пошел, то материл бы вас всю дорогу. На охоте так шуметь нельзя, – без зазнайства поведаль Антон.

– Ну, давайте тогда хоть по пням и сучьям дробью постреляем, раз зайцев нет, а сохатый не по зубам, – предложил Степка.

– Нежелательно. Вдруг за этим лосем кто-нибудь идет, да

и последних зайцев распугаем.

– Да бог с этими зайцами. Я зачем столько патронов на себе пёр, – возмутился один Андрей.

– Вот-вот, – поддержал его тезка.

* * *

По самым скромным Степкиным подсчетам, за час они расстреляли двести патронов. В лесу стояла такая канонада, что самые крутые фильмы про войну отдыхают. Настрелявшись и перекусив, с чувством выполненного долга они отправились домой.

* * *

– Стой, – внезапно сказал Антон.

Все остановились. Вдалеке в их сторону двигались два человека.

– Может, поглубже в лес уйдем, вдруг егеря или еще кто-нибудь? – предложил Антон. – Хотя нас четверо и все с ружьями... Ладно, идем дальше.

* * *

Степка шел впереди и, приблизившись к мужикам, поздоровался первый.

– Да пошел ты, – грубо оборвал его один. – Придавить вас тут, как котят, чтобы больше не шастали...

– Слышь. Ты за языком следи и думай что говоришь, –

оборвал его Антон и покрепче взял ружье.

Мужик пристально посмотрел на ружье, на Антона и спросил:

– Ты Петровича внук, что ли?

– Ну и что дальше? – спросил Антон, не собираясь прощать грубость.

– А ты, паря, не борзей, – подключился второй. – Мы за лосем два дня уже ходим. Сегодня специально рано не пошли, чтобы по утреннему снегу, по его следам, его взять, а вы тут целую Чечню устроили.

– Ну кто знал, что вы по следу идете, – вступил в разговор Степка.

– Да какого хрена в лесу пальбу устраивать? Вам, что, парни, патронов не жалко? Я за зиму пять зарядов трачу и двух лосей беру, а вы целый час палили. Канонада по всей округе стояла. Вы приехали-уехали, а нам здесь жить. Этот лес – мой. Вы лося перепугали так, что теперь он или вообще уйдет, или на стреме все время будет. К нему теперь не подберешься. Я Петровичу еще приду, пожалуйюсь.

– Жалуйся, – сказал Антон. – Этот лес такой же твой, как и мой. Браконьеры вроде тебя здесь всего зверя выбили. За весь день ни одного зайца не увидели. Пойдемте, парни, домой, нечего с этими уродами разговаривать.

– Ах ты, сучёнок! – вспылil грубиян и рванул к Антону, но тот упёр ему в полушубок ствол и даже не двинулся.

– Все, мужики, хорош, – скрипя снегом, подбежал Степка

и отвел ствол Анто́на. — Вы еще стрелять тут начните.

Антон ухмыльнулся, подмигнул Степке и пошел в сторону деревни. Мужики поматерились и пошли дальше своей дорогой. Больше выстрелов в лесу в этот день не было. На следующее утро Антон сводил друзей в лес в другую сторону от железной дороги, кроме заячьих следов они снова ничего не увидели и измотанные, но довольные, вернулись домой. Дед гостей встретил баней, а внука матом, за вчерашнюю пальбу.

— Антошка, твою мать, вы что как, дети малые. Стрелять надо в тире, — без злобы за водкой после бани отчитывал внука дед. — Зверь же не дурак, не мудрено, что вы пустые пришли. А вот то, что Витьку с Васькой стеганули — это одобряю. Не мои б года, я бы еще сам бы им по перу выдернул. Прибежали сегодня утром, жаловаться давай, так, мол, и так, а я говорю, ну ладно, я лосей бил, так я из нужды, чтоб мясо было, а они браконьерят, лосятину продадут и заливают шары, пока деньги есть. Как все пропьют, снова в тайгу за лосем. В лесу, как у себя дома. Хозяева хреновы.

— Ничего, дед. Пробьет и их час.

— Это точно. Ну, все. Давайте по крайней рюмке и спать. Завтра электричка рано. А до станции я вас не повезу, сами пойдете.

* * *

Сборы были недолгие. Электричка, затем поезд, и так же, как и приехали, под водку и уже охотничьи разговоры Степка

с друзьями поехал домой. Засыпая, он подумал, что, надо же, дома не был всего три дня, а такое впечатление, что прошел месяц.

* * *

В город поезд прибыл в понедельник рано утром. Степка понесся домой, чтобы бросить вещи, смыть с себя всю грязь и рвануть в институт. Еще с улицы он заметил, что на кухне горит свет, предки были еще дома.

* * *

– О, сынок вернулся, – обрадовалась мама. – Как съездил? Семенов-старший, не оборачиваясь, спросил:

– Ружье забрали?

– Нет, не забрали.

– Это хорошо. Кого-нибудь подстрелили?

– Нет, только лосю жизнь спасли.

– Ну, естественно, ты же на охоту ездил, – попытался пошутить Семенов-старший. – Еще поедешь?

– ... Поеду, – немного подумав, сказал Степка, вспомнив запах пороха морозным утром и свежесть тайги.

– Ну и молодец, – обрадовался отец, решив не ругать сына за забытую сумку. Со всеми бывает.

2001

Страна Героев

Баня для любого русского человека – это значительно больше, нежели может показаться на первый взгляд. Баня – это не только место для мытья, это целый образ, который по своей полноте вряд ли уступит советской кухне или коммуналке. В бане, как в церкви, все равны, а потому и ходят туда все. Кто прогреться – здоровье поправить, кто с друзьями встретиться, поговорить, пивка попить. Кто отдохнуть и расслабиться. Кому-то удастся все сразу. Что может быть лучше, чем из парилки – да сразу в снег, или, где еще так, кстати, окажется запотевшая бутылка пива. Конечно, в бане. А сколько тайн хранят бани? Сколько дел в них было решено. Сколько обмороженных они отогрели и спасли. Сколько радости и веселья они видели. Любит русский человек бани, а еще больше любит к березовому веничку хорошую компанию.

Компанию Бестужев собрал сразу. Коллективные походы в баню были лишь одним пунктом из множества нововведений, которые он ввел в редакции.

С приходом нового редактора в газете все изменилось. Во – первых, всем подняли зарплату. Это было первое, с чего начал новый главный после встречи с трудовым коллективом. Неизвестно, чем мотивировал он эту необходимость учредителям, но атмосфера в издании резко улучшилась. Во – вторых, молодой, но явно способный, руководитель переманил в газету лучших журналистов города, отчего ежене-

дельник стал значительно интересней, и материалы горячо обсуждались даже внутри редакции. В – третьих, в коллективе появились обязательные дни и часы «внеклассного чтения», как называл Бестужев редакционные походы в бассейн и спортзал, семейные выезды на пикники, а зимой – на горнолыжные базы. Всех мужчин, ранее никому не известный Александр Бестужев, сплотил в футбольную команду, где единогласно был выдвинут капитаном. Плюс ко всему в газете был заведен банный день. По пятницам, после выхода номера, «футболисты» ходили в баню и вечером уставшие, слегка пьяные, но в хорошем настроении и прекрасном расположении духа расходились по домам. Банно – футбольная традиция настолько прижилась в редакции, что продолжалась и после того, как у Бестужева закончился контракт и он уехал. Свой авторитет в газете среди коллег по творческому цеху новый главный поддерживал время от времени чересчур «зубастыми» материалами, в коих кусал и губернатора, и мэра, и депутатов, и ментов, и бандитов, и всех, кого было за что. Поначалу к Бестужеву приезжали учредители и хозяева газеты, пытались вмешиваться, объясняли, кого можно трогать в этом городе, а кого нет, на что Бестужев спокойно говорил: «Журналистика – это такой же бизнес, как и любой другой. Здесь есть свои законы. Для престижа издания иногда нужно быть и неистовым правдоборцем, к тому же тираж газеты растет, а это повышение расценок для рекламодателей и, в конечном счете, деньги».

Последний аргумент был более чем убедительный, и авторитет главного редактора стал непререкаем и по другую сторону газеты. Боссы успокоились, но попросили, если уж кого-то мочить, то мочить мудро, так, чтобы в офис не приходили факсы с миллионными исками за оскорбление чести, достоинства и деловой репутации. При Бестужеве до этого не доходило ни разу. Более того, «потерпевшим» он всегда предлагал место в своей газете для ответного хода, но, по понятным причинам, герои нелицеприятных материалов этим предложением ни разу не воспользовались. И действительно, зачем еще больше заваривать кашу. Еще одно нововведение Бестужев ввел в газете, но скорее уже для себя. Каждый день он проводил утренние планерки, чтобы быть в курсе всех событий внутри редакции и не упустить важную нить человеческих отношений, на которых в творческих коллективах все и держится. В плохих коллективах, будь то театральная труппа или оркестр, люди презируют и ненавидят друг друга. Одни считают себя непонятыми, другие завидуют чьему – то таланту, третьи, будучи бездарями, ставят перед собой неимоверно высокие планки и, занимаясь самоедством, проклинаят успехи других. В конечном счете, от всего этого страдает дело, а «творческий» коллектив напоминает ведро с крысами, из которого ни одна не может вырваться и с остервенением кусает и рвет других. На планерках Бестужев всегда повторял, дабы пресечь все трения еще в зародыше:

– Господа, раз вы собраны здесь, значит, вы уже лучшие. Не надо доказывать на страницах газеты себе и всем кто есть кто. Мы делаем одно дело. Мы зарабатываем деньги, которые являются гарантом благополучия наших семей. Давайте не будем подвергать угрозам будущее наших близких. Давайте будем профессионалами.

Для подчиненных Бестужев одновременно был и строг, и справедлив. Был требователен, и в первую очередь к себе. Не переставал удивлять коллег талантом и трудолюбием. Никогда не опаздывал и никому не спускал опозданий.

– В жизни мелочей нет, – была его любимая фраза. – Если бы мы в жизни всё делали вовремя, то сейчас бы печатались в центральных Московских изданиях, а мы с вами находимся, сами знаете где.

Приход нового главного для многих журналистов стал пробуждением ото сна. Работа снова начала приносить удовлетворение, теплее стали отношения внутри коллектива, а здоровый образ жизни, меньше чем за год, почти культом стал для всей газеты.

– Саня, ну где же ты раньше был? – уже под «мухой» потечески восхитился своим шефом Михалыч, зам Бестужева и основной вратарь банно – пивного футбольного клуба, семьянин и отец троих сыновей.

– Да много где, – отхлебнув пива, спокойно ответил Бестужев. Футболистам дозвоительно было называть капитана Саней, к тому же в бане, но в стенах газеты для всех он был

не иначе как Александр Владимирович.

– Саня, вот не поверишь, – не унимался Михалыч. – Вот ты для меня – герой нашего времени! Я своим пацанам только тебя в пример ставлю. Для меня...

– Так. Петр Васильевич, – улыбаясь, перебил Бестужев. – Проследите, чтобы Виктор Михалыч посетил парную не ранее, чем через два сеанса холодного душа.

Многочисленный банно-пивной футбольный клуб, который в простынях больше напоминал Римский сенат, одобрительно загудел.

– Нет, ну мужики! – попытался закончить свою мысль Михалыч, поправив на себе простынь. – Ну, вспомните нашу газету еще год назад. Я никогда не мог представить, что один человек сможет перевернуть наше болото. Саня, тебе же и тридцати, по-моему, еще нет...

– Михалыч, перестань, – снова перебил Бестужев своего зама. – Я не один сделал газету. Мы все ее сделали.

– Саша, все это так, но смотри, работают почти те же самые люди, остались все те же специалисты, а у газеты втрое вырос тираж. Посмотри, какие отношения внутри коллектива, а до тебя люди работали вместе по пять-шесть лет и даже не знали, кто, чем дышит. Боссы в газету почти не лезут, а раньше дергали её из стороны в сторону, на выборах всякую мразь приходилось тянуть. Я газету несколько лет домой не приносил и иначе как «малолитражка» ее не называл, а сейчас с удовольствием работаю, от работы испытываю удовле-

творение, да я на жизнь иначе смотреть стал.

– Михалыч, все это прекрасно. Я очень рад за тебя, но поверь, хоть мне и очень приятно это слышать, в данном случае один в поле не воин. Мне просто повезло, что меня пригласили в тот момент, когда назрела критическая ситуация, когда все хотели перемен, вот нас на этой волне и вынесло.

– А знаете, Саша, – подключился к разговору Борис Израильевич, почтенный старец и политический обозреватель еженедельника, который, будучи самым преданным болельщиком, не пропустил ни одного матча с участием футбольной команды и соответственно ни одного заседания банно-пивного клуба. – Виктор Михайлович очень тонко подметил. Вы действительно герой нашего времени. Я очень долго думал, окажись Лермонтов нашим современником в столь не простой период для России, кого бы он сделал героем своего романа?

– Ну, уж точно не меня, – засмутился Бестужев. – Точнее, у меня нет столько изъянов, как у Печорина, – попытался все перевести в шутку Бестужев.

– Видите ли, Саша. В силу своей молодости, а я думаю, мне позволительно так говорить, вы оцениваете реальность текущими достижениями. Вы молоды, у вас еще все впереди, и дай вам Бог. Но все дело в том, что в этих условиях в этой стране успеха могут добиться только люди действия. Интеллигенция себя исчерпала. Сейчас мало быть образованным и воспитанным. Сейчас нужно быть бойцом, нужно быть че-

ловеком дела, но при этом нельзя жить одним днем. Нельзя кроить, нельзя обманывать, нельзя наживаться на горе и несчастье других. Нужно уметь хаму дать в морду, а для всего этого, Саша, нужно быть таким образованным, таким порядочным и таким спортивным, как вы. У вас даже фамилия благородного старого рода.

– Спасибо, Борис Израильевич, – Бестужев смущенно улыбнулся, – Но я считаю, что герои нашего времени нищие учителя, врачи и медсестры, которые, несмотря на все тяготы, остаются добрыми и достойными людьми. Да еще лопухие, конопатые деревенские пацаны, которые воюют и гибнут в Чечне. Мне повезло. У меня больше запас прочности. Я могу позволить себе тот или иной маневр. Конечно, это не с неба свалилось, я всегда хорошо учился и много работал, но у меня больше возможностей повлиять на события в моей жизни, а у них нет...

Повисла пауза. Все обдумывали сказанное Бестужевым.

– Может, вы и правы, Саша, я как-то об этом не задумывался.

– Знаете, Борис Израильевич, – помолчав какое-то время, продолжил Бестужев. – Героизм – это, как правило, исправление чужих ошибок. В наше время герои те, кто остаются людьми, те, кто, невзирая на обстоятельства, делают то, что нужно, а не то, что приходится. Расскажу вам одну историю. Когда я закончил университет, через несколько дней я сразу пошел служить в армию, я сам так захотел. Много там ви-

дел и хорошего, и плохого, а потом, перед тем как на веки связаться с газетами, я какое – то время работал на телевидении в отделе новостей. В той редакции я был единственный, кто служил в армии, и потому стал «главным» специалистом по армейской тематике. Тогда ни много ни мало в самом разгаре была вторая Чеченская война и все мои репортажи, за редким исключением, касались Чечни, предстоящих отправок на Кавказ, перроны, аэродромы, встречи и проводы на войну, а войны, как известно, без погибших не бывает. Несколько раз мне приходилось снимать прибытие «грузов 200» и похороны военных. Так случилось, что к дополнению ко всем штрихам к моей биографии, служил я в элитном спецподразделении, спецназе внутренних войск.

Лица представителей банно-пивного футбольного клуба вытянулись от удивления и уважения.

– Ну ниче ты, Саня?! – еще больше восхитился своим шефом Михалыч, начавший было уже засыпать.

– Да нет мужики, я не воевал и чеченам уши не резал, – слегка замаявшись, продолжил Бестужев. – Срок службы прошел в аккурат между двумя войнами. Правда, мне пришлось сполна хлебнуть от дедов – «чеченов» за то, что они воевали, а я в это время учился в университете, но тогда на Кавказе все было спокойно, и свой «грех» перед ними искупить мне так и не удалось. Кстати, в Чечне я потом несколько раз был, но уже как журналист, и однажды даже послужил «России и спецназу». Колонну, с которой мы двигались, обстреляли и

прижали. Пока пришла помощь, долбили нас часа четыре со всех сторон. Благо в сопровождении была рота десантников, а то не сидеть бы мне здесь сейчас. Раненые были, боевики техники сожгли много. Отстреливались мы со всех стволов, даже я несколько рожков по «зеленке» засадил. Десантура меня тогда зауважала. Когда все кончилось, я еще пошутил, дескать, давненько «калашик» у меня в руках не бился... Но это уже другая история. Тогда, когда я служил, на Кавказе было спокойно. Наш отряд в Дагестан ввели только в девяносто девятом году, когда там опять началась возня и воевать поехали пацаны, которые пришли служить через год после моего дембеля. После армии я часто приезжал в свой родной спецназ, делал много добрых репортажей об отряде и очень гордился тем, что еще недавно носил зеленый берет. В один весенний день, это было в марте, мне на работу позвонил мой бывший замполит, сказал, что в боях за село Комсомольское отряд потерял девять человек, есть много раненых и со дня на день в город привезут погибших. Ориентировочно назвал день похорон и повесил трубку. Впервые Чечня коснулась меня непосредственно. Погибли мои однополчане. Всех погибших хоронили на воинском кладбище с салютом и всеми армейскими почестями. Это были первые потери в отряде, и проводить воинов в последний путь приехали все, кто имел хоть какое – нибудь отношение к нашей части. На похоронах я встретил многих, с кем служил, и тех, кого знал уже позже. Много не говорили. Состояние у всех было

подорванное, да и похороны – не лучшее место для встреч. Неожиданно среди солдат траурного караула я увидел друга детства. С Петькой мы когда-то росли в одном дворе. Я молча подошел, заглянул ему в зареванные глаза и коротко спросил:

– Кто?

– Серега Сажаев... В сержантской учебке вместе были...

Тогда имя этого пацана мне ни о чем не говорило. Петька был очень расстроен, и если бы не караул, горевал бы, наверное, навзрыд. У Петьки я узнал, где он служит, пообещал к нему заехать и, попрощавшись, обреченно пошел к машине. Мне предстояло сделать очень печальный репортаж. Прошло где-то полгода, и работа вновь заставила меня вспомнить те мартовские дни. Нашу съемочную группу пригласили в ту самую школу, где учился Сергей Сажаев. Мальчишке открывали мемориальную доску. Там я познакомился с его мамой и попросил рассказать, каким он был, а был он, мужики, обычным русским парнем, с типичной, как это ни досадно, для нашего безумного времени судьбой. Именно на таких, как он, у нас в России все и держится. Учился паренек в самой обыкновенной школе. Воспитывала его только мать. С юных лет он стал мужиком в семье и ее опорой. Как и все пацаны, хулиганил во дворе, прогуливал школу и, когда мог, подрабатывал. После окончания десятилетки поступил в пединститут. По конкурсу не добрал баллов, стал учиться за деньги, на платном отделении. Семья жила небогато. Де-

нег хватило только на первый курс. Затем академотпуск и армия. Парень был крепкий, поэтому служить попал к нам в спецназ. Потом присяга и сержантская учебка. Что это такое в спецназе, даже мне, журналисту, словами передать трудно. Страшнее, наверное, только ад или долгая мучительная смерть. А выбирать ему не приходилось, поэтому пережил и это. По окончании командировка на Северный Кавказ. Пацан первый раз в жизни полетел на самолете, летел на войну. Из Дагестана матери прислал письмо. Восторженно рассказывал о полете. Затем еще были письма, но о войне ничего не писал, не хотел расстраивать маму и бабушку. Последнее письмо мать получила, когда его уже не было. Он отправил его в свой день рождения, поздравлял маму, очень жалел, что не может ее обнять, еще обещал, что, когда вернется, у них будет совсем другая жизнь. Незадолго до последнего боя его контузило. Казалось бы, вот он счастливый билетик выскочить из этого бардака, но он не только отказался вернуться в часть, он даже не пошел в госпиталь, причем, я уверен, он не геройствовал. Просто с самого детства жизнь не баловала, и он не искал в ней легких путей, не кроил, никого не предавал и не подводил. Как же он мог оставить своих пацанов там, в Чечне, на войне? Двадцатилетним он был всего несколько дней. На похороны пришли его одноклассники, друзья и девочка, с которой он дружил. Потом уже, когда все улеглось, его мать у нее спросила: «Вы хоть целовались?» Оказалось, что нет... И так горько мне стало, так обидно за

этого пацана. Так мало хорошего у него было в жизни, хотя, уверен, вернись он живым, и институт бы он закончил, и дом и семья были бы у него полная чаша, и жизнь бы он ценил, и людей бы уважал, потому что с юных лет хлебнул через край, и уж он-то точно знал бы, что хорошо, а что плохо. На таких, как он, наша Россия стояла и стоять будет.

В бане снова повисла тишина.

– Я с вами согласен, Саша, – после долгого обдумывания прервал молчание Борис Израильевич. – Во все времена так было. Жизнь хуже, значит, и поясок туже. Все пережила Россия: и революции, и голод, и нищету, и репрессии, и войны, переживает и все остальное. Потому что выбирать не приходится, а жить все равно как – то надо. Жаль, что по совести жить не у всех получается. Бестужев промолчал.

А чего уже тут добавишь?

Разговор, неожиданно возникнув, так же быстро сошел на нет. Через некоторое время стол снова загудел. Заговорили о футболе, о газете, о работе, снова вспомнили о бане. Несколько человек, сняв простыни, пошли в парилку. Бестужев тоже решил погреться. Допив пиво, он зашел в парную. Закончилась еще одна рабочая неделя

2002

Билет

Мы все учились понемногу...

В своей Кедровке Стас Морозов был первым парнем на деревне. Единственное, что смущало селян, – это то, что он не пил и по вечерам не дрался на танцах в клубе. В остальном к нему претензий не было. Когда деревенские узнали, что морозовский сын собирается поступать в большом городе в университет, новость приняли как должное, более того, в том, что он поступит, ни у кого не было даже и тени сомнения.

Вступительные экзамены для Стаса прошли без особых происшествий: что-то знал, где-то списал, где надо сделал умный вид, вобщем, всё как у всех. Филологический факультет был его давней мечтой, которая последний год в школе по ночам мешала засыпать. Во сне и наяву он представлял, как приезжает в неприветливый и потому чужой город. Ходит в университет, сдаёт экзамены, поступает и открывает для себя по-новому и город, и университет, и массу интересных знакомых...

Университет предстал перед ним именно таким, как он себе его и представлял. Больше всего Стаса впечатлили молчаливые старинные хмурые колонны главного корпуса и умудрённые опытом седовласые шутники-профессоры. С первых же лекций Стас понял, что в Кедровке он имел очень смутное представление о классическом филологическом образовании, тем не менее всё было очень интересно, и он с удовольствием поглощал знания. Разочарования начались в сес-

сию. Оказалось, что изучать и сдавать – это были две разные вещи. Изучать можно было играючи и только то, что тебя интересовало, а вот сдавать нужно было всё то, что на лекциях преподаватели прочитали от пункта до пункта. Тем не менее, как истинный студент, Стас сумел-таки всеми правдами и неправдами поставить зачёты и сдать экзамены. Теперь ему осталось решить вопрос с античной литературой.

«Античка» была одним из самых интересных предметов семестра, но преподаватель, которая читала курс, всё портила. Это была маленькая, сухенькая старушка, которая дожила свой век, и преподавание было то немногое, что осталось в её жизни, но она этим не жила, а просто убивала свою старость. Из года в год она читала одни и те же лекции, никогда не разговаривала со студентами на переменах, никогда не опаздывала и из года в год сводила счёты с «непокорными». Благодаря ей, из университета каждый семестр вылетало по несколько человек. Как водится, по университету ходили слухи, что у неё никогда не было ни мужа, ни детей и всю жизнь она прожила с кошками, коих держала в своей маленькой квартире по несколько штук, но наверняка это подтвердить никто не брался.

Группе, в которой учился Стас, старший курс посоветовал вынести «античку» в сессию, потому что сдать её с первого раза было практически невозможно, а без зачёта до экзаменов не допустят, и начнётся обычная песня студентов-должников с вылетом в финале. Помимо этого старшие

рекомендовали не пропускать ни единой лекции и исправно готовиться ко всем семинарам. Стас прилежно выполнял все требования Нины Борисовны и, несмотря на высказывания старшекурсников, что «античка» всей сессии стоит, особо не переживал. К тому же античная литература ему нравилась, и мыслями он был уже дома: сидел в гостях у друзей, заходил в родную школу, откидывал снег со двора, парился в бане, которую они с отцом летом срубили, словом, зачёт был у него лишь делом времени. Утром Стас сдал последний экзамен и в «обозримом будущем» планировал начать готовиться к античке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.